

Сомерсет Моэм
Верная жена

Уильям Сомерсет Моэм

Верная жена

Сомерсет Моэм
ВЕРНАЯ ЖЕНА

Комедия в трех действиях

Действующие лица:

Констанс
Джон Миддлтон
Бернард Керсал
Миссис Калвер
Мари-Луиза
Марта
Барбара
Мортимер Дархэм
Бентли

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие пьесы происходит в доме Джона на Харли-стрит

Место действия: гостиная Констанс. Комната обставлена с изысканным вкусом. Констанс – художник по интерьерам от Бога, поэтому гостиная красивая и уютная.

Вторая половина дня.

Миссис Калвер сидит одна. Пожилая дама с приятным лицом, в уличном костюме. Открывается дверь, Бентли, дворецкий, извещает о приходе Марты Калвер. Марта – ее дочь, красивая молодая женщина.

Бентли. Мисс Калвер (*уходит*) .

Марта (*удивленно*) . Мама.

Миссис Калвер (*очень спокойно*) . Да, дорогая.

Марта. Вот уж никак не ожидала увидеть тебя здесь. Ты не говорила мне, что пойдешь к Констанс.

Миссис Калвер (*добродушно*) . Я и не собиралась, пока не увидела в твоих птичьих глазках, что ты задумала. Поэтому и решила прийти сюда первой.

Марта. Бентли говорит, что ее нет.

Миссис Калвер. Да... Ты ее дождешься?

Марта. Естественно.

Миссис Калвер. Тогда и я посижу.

Марта. Очень мило с твоей стороны.

Миссис Калвер. Слова вежливые, а вот тон холодноват, дорогая моя.

Марта. Я не понимаю, о чем ты, мама.

Миссис Калвер. Дорогая моя, мы знаем друг друга много лет, не так ли? Неудобно даже упоминать.

Марта. Отнюдь. Мне тридцать два. И я не стыжусь своего возраста. Констанс вот тридцать шесть.

Миссис Калвер. И все-таки я полагаю, что иной раз искренность как-то не с руки. Мы, женщины, обожаем таинственность.

Марта. Едва ли меня можно обвинять в том, что я думаю одно, а говорю другое.

Миссис Калвер. Откровенность, конечно, нынче в моде. Зачастую это прекрасная ширма для сокрытия истинных мыслей.

Марта. Я думаю, ты в чем-то мной недовольна, мама.

Миссис Калвер. А я, со своей стороны, думаю, что ты намерена повести себя очень глупо.

Марта. Потому что собираюсь рассказать Констанс о том, что ей следует знать?

Миссис Калвер. Ага, так я права. Ты решила испортить жизнь троим, достаточно близким тебя людям.

Марта. Да.

Миссис Калвер. Так позволй спросить, а почему Констанс должна об этом знать?

Марта. Почему? Почему? Почему? Это один из тех вопросов, которые в принципе не требуют ответа.

Миссис Калвер. Я уже не раз замечала, что на вопросы, которые в принципе не требуют ответа, ответить труднее всего.

Марта. На этот ответить совсем не трудно. Она должна знать правду, потому что это правда.

Миссис Калвер. Разумеется, правда – это прекрасно, но, прежде чем озвучить ее, хорошо бы убедить себя, что она пойдет на пользу слушающему, и не послужит исключительно для того, чтобы доставить себе маленькое удовольствие.

Марта. Мама, Констанс – глубоко несчастная женщина.

Миссис Калвер. Ерунда. Она хорошо ест, хорошо спит, хорошо одевается, не толстеет. В таких условиях ни одна женщина не может быть несчастной.

Марта. Если ты не понимаешь, нет смысла убеждать тебя в чем-либо. Ты, конечно, очень милая, но таких матерей, должно быть, больше нет. Твои взгляды просто поражают меня.

(Дверь открывается. Бентли входит с миссис Фосетт. Миссис Фосетт стройна, деловита, лет сорока) .

Бентли. Миссис Фосетт.

Миссис Калвер. О, Барбара, как приятно тебя видеть.

Барбара *(подходит к ней, целует)* . Бентли сказал мне, что вы здесь, а Констанс – нет. Что подельываете?

Миссис Калвер. Цапаемся.

Барбара. По какому поводу.

Миссис Калвер. Из-за Констанс.

Марта. Я рада, что ты пришла, Барбара... Ты знаешь, что у Джона роман с Мари-Луизой?

Барбара. Терпеть не могу давать прямой ответ на прямой вопрос.

Марта. Наверное, знают все, кроме нас. И давно тебе об этом известно? Говорят, они встречаются уже много месяцев. Ума не приложу, почему мы узнали об этом только сейчас?

Миссис Калвер *(иронично)* . Сей факт следует записать в положительные черты человеческой натуры, учитывая, что у нас столько добрых друзей и подруг и только сегодня одна из них поделилась с нами столь пикантной новостью.

Барбара. Возможно, ваша дорогая подруга сама узнала ее этим утром.

Марта. Сначала я отказалась в это поверить.

Миссис Калвер. Только с самого, самого начала, дорогая. А потом на удивление быстро признала, что улик более чем достаточно.

Марта. Разумеется, я смогла сложить два и два. Едва прошел первый шок, я все поняла. И удивилась только одному: как мне не пришло это в голову раньше.

Барбара. Вы очень расстроились, миссис Калвер?

Миссис Калвер. Ничуть. Моя очень строгая мать воспитала меня в убеждении, что мужчины по своей природе порочны. Я редко удивляюсь тому, что они делают, и никогда не расстраиваюсь.

Марта. Мама просто сводит меня с ума. Ведет себя так, будто дело не стоит и выведенного яйца.

Миссис Калвер. Констанс и Джон женаты пятнадцать лет. Джон – очень милый человек. Иной раз я, конечно, задавалась вопросом, превосходит ли он верностью жене остальных мужей, но меня это, в общем-то не касалось, а потому я быстренько переключалось на другое.

Марта. Дочь тебе Констанс или нет?

Миссис Калвер. У тебя просто страсть к прямым вопросам. Отвечаю – да.

Марта. И ты готова сидеть, словно набрав в рот воды, и не мешать Джону обманывать Констанс с ее самой близкой подругой?

Миссис Калвер. Пока Констанс об этом не знает, мое молчание ничего не изменит.

Мари-Луиза просто душка, глупенькая, разумеется, но мужчины таких любят, а если уж Джон обманывает Констанс, оно и к лучшему, что мы все знаем его пассию.

Марта (*Барбаре*) . Тебе доводилось слышать, чтобы уважаемая женщина... а маму все уважают...

Миссис Калвер. Да перестань.

Марта. Говорила такое?

Барбара. А ты думаешь, надо что-то предпринять?

Марта. Я абсолютно уверена, надо что-то делать.

Миссис Калвер. А я, дорогая моя, абсолютно уверена в том, чего тебе делать не следует. Ты ничего не должна говорить Констанс.

Барбара (*в некотором недоумении*) . Ты хотела ей все рассказать?

Марта. Кто-то ведь должен. Если не мама, значит – я.

Барбара. Я очень люблю Констанс. Разумеется, я давно знала о том, что происходит, и ужасно тревожилась за нее.

Марта. Джон поставил ее в идиотское положение. НИ один мужчина не имеет права так унижать жену, как он унизил Констанс. Он превратил ее в посмешище.

Миссис Калвер. Если бы женщины превращались в посмешище из-за того, что мужья изменяли им, в этом мире было бы куда больше веселья.

Барбара (*довольная тем, что есть возможность посплетничать*) . Вы знаете, сегодня они встречались за ленчем.

Марта. Мы об этом не слышали. Но позавчера они вместе обедали.

Миссис Калвер (*весело*) . Мы даже знаем, что они ели. А ты в курсе, что им подали на ленч?

Марта. Мама!

Миссис Калвер. Мне показалось, что их совместный лен очень обидел Барбару.

Марта. Но надо же соблюдать приличия, мама!

Миссис Калвер. Дорогая моя, только не надо о приличиях. Они умерли вместе с нашей любимой королевой Викторией.

Барбара (*миссис Калвер*) . Но вы не можете одобрять Джона, который не скрывает своего романа с лучшей подругой Констанс?

Миссис Калвер. Возможно, с возрастом я отравила толстую кожу, а потому стала более терпимой. Я не могу серьезно воспринимать любовные интрижки мужчин. Я думаю, это заложено в них природой. Джон – прекрасный хирург. Он много работает и если у него иногда возникает желание встретиться за ленчем или пообедать с красивой женщиной, я не считаю, что это надо ставить ему в вину. Скучно, знаете ли, три раза в день, семь дней в неделю сидеть за столом с одной и той же женщиной. Я это знаю по себе, постоянно видя перед собой Марту. А мужчины переносят скуку не так хорошо, как женщины.

Марта. Спасибо тебе, мама.

Барбара (*со значением*) . Но они встречаются не только для того, чтобы разделить трапезу.

Миссис Калвер. Ты подозреваешь самое худшее, дорогая?

Барбара (*со всей серьезностью*) . Я знаю о самом худшем.

Миссис Калвер. Я вот думаю, а так ли это плохо? Раз мы одни и никто нас не подслушивает, я позволю себе крамольную мысль. Если муж добр к жене и заботится о ней, стоит ли клеймить его позором за то, что иной раз он сходит с узкой тропы добродетели?

Марта. Ты хочешь сказать, невелика важность, соблюдают муж и жена данную ими клятву верности или нет?

Миссис Калвер. Я думаю, жены должны соблюдать.

Барбара. Но это же чудовищная несправедливость! Почему от жен следует требовать большего, чем от мужчин?

Миссис Калвер. Потому что большинству жен нравится хранить верность. Сие возвышает нас в собственных глазах. Мы по природе верные существа и мы храним верность, потому что у нас нет особого желания вести себя иначе.

Барбара. Ой ли?

Миссис Калвер. Моя дорогая, ты – вдова и абсолютно свободна. Горишь ли ты желанием сделать нечто такое, что общество полагает для тебя запретным?

Барбара. У меня собственное дело. Проведя восемь часов на работе, о любви и думать не хочется. Вечером утомленная деловая женщина хочет посмотреть музыкальную комедию или поиграть в карты. У нее нет никакого желания общаться с ухажерами.

Марта. Между прочим, а как твой бизнес?

Барбара. Растет, словно на дрожжах. Кстати, я пришла к Констансу, чтобы предложить ей поработать у меня.

Миссис Калвер. А зачем ей это надо? Джон зарабатывает достаточно.

Барбара. Я, вот подумала, если дело примет критический оборот, она легче перенесет удар, располагая собственными средствами к существованию.

Миссис Калвер. Ты тоже хочешь, чтобы дошло до кризиса?

Барбара. Разумеется, не хочу. Но, вы понимаете, так продолжаться не может. Просто чудо, что Констанс до сих пор ничего не слышала. Но скоро обязательно обо всем узнает.

Миссис Калвер. Полагаю, это неизбежно.

Марта. Я надеюсь, это случится в самом скором времени. И я по-прежнему думаю, что сказать ей должна именно мать.

Миссис Калвер. На то у меня нет ни малейшего желания.

Марта. А если мать не хочет, значит, скажу я.

Миссис Калвер. А вот этого я тебе не позволю.

Марта. Он унизил ее самым гнусным образом. Ее положение невыносимо. У меня нет слов, чтобы выразить мое мнение о Мари-Луизе, но при нашей следующей встрече я выскажу все, что о ней думаю. Она отвратительная, неблагодарная, злобная и завистливая маленькая сучка.

Барбара. В любом случае, я думаю, Констанс будет приятно знать, что она всегда может на меня опереться.

Миссис Калвер. Но Джон ежемесячно выдает ей приличную сумму. Он очень щедр.

Марта (негодующе). Ты думаешь, Констанс и дальше должна брать его деньги?

Барбара. Марта совершенно права, миссис Калвер. В такой ситуации она не должна брать у него ни пенса.

Миссис Калвер. Возможно, она так и скажет. Но при этом позаботится о том, чтобы ее адвокат выторговал ей при разводе наилучшие условия. Мало кто из мужчин представляет себе с какой легкостью мы, женщины, можем совмещать широкие жесты с практичностью, когда дело касается нашего благополучия.

Барбара. Не кажется ли вам, миссис Калвер, что вы очень циничны?

Миссис Калвер. Надеюсь, что нет. Я не понимаю, почему женщины, собираясь одни, не могут хоть изредка говорить правду. Надоедает, знаете ли, постоянно притворяться, иной раз хочется и расслабиться.

Марта (чеканя слова). Я вот понятия не имею, что постоянно притворяюсь, а на самом деле совсем не та, какой меня видят люди.

Миссис Калвер. Я и не говорила, что притворяешься, дорогая моя. Но мне всегда казалось, что ты глуповата. Ты пошла в отца. А ум в нашей семье достался мне и Констансу.

(В гостиную входит Констанс, красивая женщина лет тридцати шести. Она пришла с улицы и еще в шляпке).

Барбара (радостно). Констанс!

Констанс. Уж простите, что не застали меня дома. Как хорошо, что подождали. Как ты себя чувствуешь, дорогая мама?

(По очереди целует каждую)

Марта. А где ты была, Констанс?

Констанс. Ходила по магазинам с Мари-Луизой. Она сейчас поднимется.

Барбара (с отвращением) . Так она здесь?

Констанс. Да. Разговаривает по телефону.

Марта (с иронией) . Ты просто не разлучаешься с Мари-Луизой.

Констанс. Мне нравится ее компания. Она меня забавляет.

Марта. И на ленч вы пошли вместе?

Констанс. Нет, на ленч ее пригласил кавалер.

Марта (искоса глянув на миссис Калвер) . Вон оно что. А Джон после приема больных всегда остается на ленч дома, не так ли?

Констанс (очень искренне) . Если ему не надо прийти в больницу пораньше.

Марта. А сегодня его вызывали в больницу?

Констанс. Нет, у него была назначена деловая встреча.

Марта. Где?

Констанс. Господи, я не знаю. После стольких лет совместной жизни мужа не спрашивают, куда он ходит.

Марта. Почему нет?

Констанс (с улыбкой) . Потому что у него может возникнуть желание задать тебе тот же вопрос.

Миссис Калвер. А также потому, что умная женщина всегда доверяет своему мужу.

Констанс. Джон еще ни разу не дал мне повода усомниться в нем.

Марта. Ты счастливая.

Констанс (с легкой улыбкой) . Или умная.

(Входит Мари-Луиза, очаровательная, изящная, прекрасно одетая, с большими наивными глазами в обрамлении длинных ресниц.)

Мари-Луиза. О, я и не знала, что у нас светский прием.

Миссис Кlover. Мы с Мартой как раз собрались уходить.

Констанс. Ты знакома с моей мамой, Мари-Луиза.

Мари-Луиза. Разумеется.

Констанс. У меня очень хорошая мама.

Миссис Кlover. С головой на плечах и очень активная для своих лет.

(Мари-Луиза целует Барбару и Марту.)

Мари-Луиза. Как поживаете?

Марта (смотрит на ее платье) . У тебя новое платье, не так ли, Мари-Луиза?

Мари-Луиза. Да, я его раньше не надевала.

Марта. Наверное, ты надела его, потому что кавалер пригласил тебя на ленч?

Мари-Луиза. С чего ты взяла, что на ленче я была с кавалером?

Марта. Мне сказала Констанс.

Констанс. С моей стороны это была всего лишь догадка (Мари-Луизе) . Когда мы встретились, я заметила, как сверкали у тебя глаза, а лицо светилось счастьем, какое испытывает женщина, лишь когда ей говорят, что она – самое прелестное существо на свете.

Марта. Расскажи нам, Мари-Луиза, кто он?

Констанс. Не вздумай, Мари-Луиза. Храни его имя в тайне и дай нам возможность посплетничать.

Барбара. Как твой муж, дорогая?

Мари-Луиза. В полном порядке. Я звонила ему.

Барбара. Никогда не видела, чтобы мужчина так обожал жену, как он обожает тебя.

Мари-Луиза. Да, грех жаловаться, не так ли?

Барбара. А он тебя иной раз не нервирует? Не страшно тебе купаться в океане столь самозабвенной любви? Каким ужасным будет для него шок, если вдруг выяснится, что ты – не такая, какой он тебя видит?

Констанс (обаятельно) . Но Мари-Луиза именно такая.

Мари-Луиза. А если и нет, убедить его в этой будет очень нелегко.

Констанс. Послушайте, вот и Джон. (*Подходит к двери, завет*) . Джон.

Джон (*снизу*) . Привет.

Констанс. Ты поднимешься? Здесь Мари-Луиза.

Джон. Уже иду.

Констанс. Он оперировал после ленча. Наверняка устал.

Марта (*смотрит на Мари-Луизу*) . Наверное, и на ленч съел всего лишь сэндвич.

(*Входит Джон, высокий, подтянутый мужчина лет сорока.*)

Джон. Святой Боже, никогда не видел столько народа. Как поживает моя дорогая теща?

Миссис Калвер. Не жалуется.

Джон (*целует ее – Барбаре*) . Знаешь, я женился на Констанс только потому, что ее мать отвергла меня.

Миссис Калвер. Я в то время была слишком юна, чтобы выходить замуж за мужчину на двадцать лет моложе себя.

Констанс. Однако, разница в возрасте не мешала тебе флиртовать с ним. Просто счастье, что я не ревнива.

Джон. Как у тебя прошел день, дорогая?

Констанс. Ходила с Мари-Луизой по магазинам.

Джон (*пожимает руку Мари-Луизе*) . Добрый день. На ленч тоже пошли вместе?

Марта. Нет, ее пригласил кавалер.

Джон. Хотел бы я оказаться на его месте. (*Мари-Луизе.*) Как поживаешь? Я тебя сто лет не видел.

Мари-Луиза. Тебя никогда нет дома. Мы с Констанс теперь практически не расстаемся.

Джон. А как твой богатый муженек?

Мари-Луиза. Я как раз говорила о нем. Как выясняется, вечером он должен ехать в Бирмингем.

Констанс. Так приходи к нам обедать.

Мари-Луиза. Спасибо тебе большое, но я так устала. Лучше я лягу в кровать и сею яйцо.

Джон. Я как раз собирался сказать тебе, Констанс, что обедать не буду. У меня срочная операция. Острый аппендицит.

Констанс. Какая жалость.

Марта. Чудесная у тебя профессия, Джон. Если тебе нужно куда-то уйти, достаточно сказать, что у тебя срочная операция, и никто не докажет, что это – ложь.

Констанс. Дорогая моя, не забивай подозрениями свою невинную головку. Джон меня никогда не обманывает. (*Джону*) Не так ли, дорогой?

Джон. Пожалуй, мне придется очень сильно постараться, прежде чем я сумею обмануть тебя, дорогая.

Констанс (*с легкой улыбкой*) . Иногда я думаю, что ты прав.

Мари-Луиза. Приятно видеть мужа и жену, так любящих друг друга, как ты и Джон. Вы женаты пятнадцать лет, не так ли?

Джон. Да. Совсем ничего.

Мари-Луиза. Так я побежала. Мне уже пора быть дома. До свидания, дорогая. До свидания, миссис Калвер.

Констанс. До свидания, дорогая. Мы отлично провели день.

Мари-Луиза (*протягивая руку Джону*) . До свидания.

Джон. Я спущусь с тобой.

Марта. Я как раз ухожу, Мари-Луиза. Составлю тебе компанию.

Мари-Луиза (*словно о чем-то вспомнив*) . Джон, если тебя не затруднит, ты не смог бы посмотреть мое колено. Оно побаливает последние день или два.

Джон. Разумеется, не затруднит. Пойдет в мою приемную. За этими коленными чашечками нужен глаз да глаз.

Марта (*упрямо*) . Я тебя подожду. Осмотр не затянется, не так ли? Мы сможем взять

такси.

Мари-Луиза. У меня машина.

Марта. Как здорово! Так ты меня подвезешь.

Мари-Луиза. С удовольствием.

(Джон открывает дверь Мари-Луизе. Она выходит, он – за ней. Констанс холодно наблюдает эту маленькую сценку, прекрасно понимая, что происходит.)

Марта. А что у нее с коленом?

Констанс. Подворачивается.

Марта. И что потом?

Констанс. Подворачивается нога.

Марта. Ты никогда не ревнуешь женщин, которые приходят в приемную Джона.

Констанс. Там всегда есть медицинская сестра, которую он может позвать, если женщина позволит себе вольности.

Марта *(весело)*. Медсестра есть и сейчас?

Констанс. И потом, я почему-то думаю, желание заниматься любовью в приемной, пропитанной запахами антисептиков, может возникнуть только у женщины, которая носит ужасное нижнее белье. Я не могу заставить себя ревновать к ней.

Марта. Мари-Луиза на днях дала мне две сорочки, чтобы я могла сделать выкройки.

Констанс. Одну светло-вишневую с вставками из ирландского кружева? Я тоже сделала с нее выкройку.

Барбара. Мари-Луиза действительно очень хороша собой.

Констанс. Мари-Луиза – очаровашка. Но она и Джон слишком давно знают друг друга. Джону она, разумеется, нравится, но он говорит, что у нее в голове опилки.

Марта. Мужчины не всегда говорят то, что думают.

Констанс. К счастью для нас, иначе мы бы не всегда знали, что они чувствуют.

Марта. А тебе не кажется, что у Джона есть от тебя секреты?

Констанс. Я в этом уверена. Но хорошая жена всегда делает вид, что не понятия не имеет о тех маленьких тайнах, которые муж желает от нее скрыть. Это одно из основополагающих правил семейного этикета.

Марта. Не забывай, что мужчины испокон веков были обманщиками.

Констанс. Дорогая моя, ты говоришь, как старая дева. Разве можно обмануть женщину, которая не хочет быть обманутой? Или ты действительно думаешь, что мужчины загадочные? Они что дети. Джон в свои сорок не старше Элен в ее четырнадцать.

Барбара. Как ваша девочка, Констанс?

Констанс. Отлично. Ей очень нравится частная школа, в которую мы ее отправили. Мужчины, они так и остаются маленькими мальчиками. Иногда, конечно, становятся непослушными, и тогда надо сделать вид, что сердиться на них. Они придают столько значимости всякой ерунде, это так трогательно. И они такие беспомощные. Ты никогда не ухаживала за больным мужчиной? Сердце просто кровью обливается. Все равно, что ухаживаешь за собачкой или лошастью. Бедняжки, если пошел дождь, им и в голову не придет встать под дерево. Они милы, добры, глупы, утомительны и эгоистичны. Их нельзя не любить, такие они наивные, такие простодушные. Нет в них ни глубины, ни хитрости. Воспринимать их серьезно – абсурд. Ты мудрая женщина, мама. Что ты думаешь?

Миссис Калвер. Я думаю, ты не любишь своего мужа.

Констанс. Какая чушь.

(Входит Джон.)

Джон. Мари-Луиза ждет тебя, Марта. Колено я ей перевязал.

Констанс. Надеюсь, не слишком туго.

Марта *(Констанс)*. До свидания, дорогая. Ты идешь, мама?

Миссис Калвер. Еще нет.

Марта. До свидания, Барбара.

(Марта и Джон уходят.)

Барбара. Констанс, дорогая, у меня к тебе предложение. Ты знаешь, что мой бизнес растет, как на дрожжах, и я уже не справляюсь с заказами. Вот я и подумала, а не поработать ли тебе у меня.

Констанс. Я же не деловая женщина.

Барбара. Но у тебя отменный вкус и масса идей. Ты будешь заниматься интерьерами, а я сосредоточусь на покупке и продаже мебели.

Констанс. Но у меня нет денег.

Барбара. Зато у меня их предостаточно. Мне нужна помощь, а более компетентного специалиста я не найду. Мы будем делить прибыль пополам и, думаю, я могу обещать, что в год ты будешь иметь от тысячи до полутора тысяч фунтов.

Констанс. Я так долго ничего не делала. Боюсь, восьмичасовой рабочий день покажется мне каторгой.

Барбара. Подумай над моим предложением, хорошо? Оно очень интересное. Ты по натуре женщина энергичная. Неужели тебе не скучно посвящать ничегонеделанию двадцать четыре часа в сутки?

Констанс. Не думаю, что Джону это понравится. Люди могут подумать, что он не может меня содержать.

Барбара. Только не в наши дни. Нынче у женщины, как и у мужчины, есть все возможности делать карьеру.

Констанс. Я думаю, моя карьера – служить Джону. Вести домашнее хозяйство, развлекать его друзей, обеспечивать счастье и уют.

Барбара. А может, это ошибка – класть все яйца в одну корзину? Допустим, эта карьера рухнет?

Констанс. С чего?

Барбара. Разумеется, я надеюсь, что этого не произойдет. Но мужчины, ты знаешь, ветрены и переменчивы. Независимость – хорошая штука, и женщина, у которой есть собственные средства к существованию, более уверенно смотрит в будущее.

Констанс. Большое тебе спасибо. Но, пока мы с Джоном счастливы, я не вижу смысла раздражать его своими необдуманными действиями.

Барбара. Разумеется, никакой спешки нет. Никому не известно, что принесет будущее. Но я хочу, чтобы ты знала: ко мне ты можешь прийти в любое время. Не думаю, что мне удастся найти такую, как ты. Одно слово, и работа твоя.

Констанс. Ты так добра, Барбара. Это прекрасное предложение и я тебе очень признательна. Не сердись на меня, если я выражу надежду, что мне никогда не придется им воспользоваться.

Барбара. Разумеется, дорогая. До свидания.

Констанс. До свидания, дорогая.

(Они целуются и Барбара уходит. Констанс звонит в звонок.)

Миссис Калвер. Ты вполне счастлива, дорогая?

Констанс. Вполне. Разве по мне этого не видно?

Миссис Калвер. Должна признать, что выглядишь ты счастливой. Насколько я могу судить, глядя на тебя, у тебя нет ни забот, ни проблем.

Констанс. Ты ошибаешься. Моя кухарка подала заявление об уходе, а ее меринги – самые вкусные в городе.

Миссис Калвер. Мне нравится Джон.

Констанс. Мне тоже. Он обладает всеми достоинствами, благодаря которым мужчина превращается в хорошего мужа: покладистый характер, чувство юмора, полное безразличие к экстравагантностям.

Миссис Калвер. Как ты права, дорогая, в понимании, что это и есть главные достоинства.

Констанс. Не семь смертных добродетелей превращают мужчину в хорошего мужа, а три сотни приятных мелочей.

Миссис Калвер. Разумеется, в жизни приходится идти на компромисс. По-другому просто не получается. Нельзя ожидать от человека слишком многого. Счастье каждый понимает по-своему. Если хочешь быть счастлива сама, нужно принимать во внимание и счастье своих близких. Если тебе это не под силу, тогда нечего жаловаться на то, что ты несчастна. А самое главное, не позволить тщеславию взять верх над здравым смыслом.

Констанс. Мама, мама, мы так хорошо понимаем друг друга.

Миссис Калвер. Нынче все такие умные. Видят все, кроме очевидного. Вот я и пришла к выводу, что достаточно указать им на это, чтобы слыть оригинальной и забавной старушкой.

Констанс. Меня в их число не записывай, дорогая.

Миссис Калвер (с любовью) . Мне не хочется думать, что ты познаешь несчастье, и из дурацкой гордости не позволишь мне утешить себя и дать совет.

Констанс (искренне) . Позволю, мама.

Миссис Калвер. На днях со мной произошел странный случай. Ко мне заглянула одна мой знакомая и пожаловалась, что муж не обращает на нее внимания. Я спросила, почему она жалуется мне, а не своей матери. Она ответила, что ее мать с самого начала не хотела, чтобы она выходила замуж за этого человека, а потому только попеняет ей на то, что она не послушалась родной матери.

Констанс. Я не могу сказать, что Джон не обращает на меня внимания, мама.

Миссис Калвер. Разумеется, я с ней поговорила. Признаюсь, сочувствия она у меня не нашла.

Констанс (с улыбкой) . Это так жестоко, не правда ли?

Миссис Калвер. Насчет семейной жизни у меня есть свои принципы. Если муж не обращает внимания на жену, виновата она, а если он систематически изменяет ей, в девяти случаях из десяти она опять же должна винить в этом только себя.

Констанс (звонит в звонок) . Систематически – какое безжалостное слово.

Миссис Калвер. Ни одна здравомыслящая женщина не станет обращать внимание на случайный оступ. Иной раз причина тому – стечение обстоятельств.

Констанс. И, конечно, мужское тщеславие?

Миссис Калвер. Я сказала моей знакомой: ее муж изменяет ей только потому, что находит других женщин более привлекательными. Так стоит ли из-за этого злиться на него? Наоборот, надобно приложить все силы, чтобы выглядеть более привлекательной, чем они.

Констанс. Ты, часом, не из тех, кого называют феминистками, мама?

Миссис Калвер. В конце концов, что есть верность?

Констанс. Мама, мы не будем возражать, если я открою окно?

Миссис Калвер. Оно открыто.

Констанс. В таком случае, ты не будешь возражать, если я закрою его? Я полагаю, что от меня ждут некоего символического жеста, когда женщина твоих лет задает подобный вопрос.

Миссис Калвер. Не смей меня. Разумеется, я верю в верность для женщин. Полагаю, никто не ставит под вопрос ее желательность. Но мужчины другие. Женщины должны помнить, что у них дом, честное имя, положение в обществе, семья, и им следует научиться закрывать глаза, когда они могут увидеть то, чего видеть им совершенно не нужно.

(Входит дворецкий.)

Бентли. Вы звонили, мадам?

Констанс. Да. Я жду мистера Бернарда Керсала. Для остальных меня нет дома.

Бентли. Очень хорошо, мадам.

Констанс. Мистер Миддлтон дома?

Бентли. Да, мадам. Он в приемной.

Констанс. Очень хорошо.

(Бентли уходит.)

Миссис Калвер. Ты вежливо намекаешь на то, что мне пора?

Констанс. Наоборот, мама. Я настоятельно прошу тебя задержаться.

Миссис Калвер. Кто этот таинственный джентльмен.

Констанс. Мама. Это же Бернард.

Миссис Калвер. Мне это ни о чем не говорит. Не святой Бернард, дорогая?

Констанс. На память ты пока не жалуешься. И ты должна помнить Бернарда Керсала. Он делал мне предложение.

Миссис Калвер. Дорогая, моя, ну не под силу мне помнить всех молодых людей, которые делали тебе предложение.

Констанс. Но он просил моей руки настойчивее других.

Миссис Калвер. Почему?

Констанс. Должно быть, потому что я ему отказывала. Не могу найти другой причины.

Миссис Калвер. Он не произвел на меня впечатления.

Констанс. Не буду утверждать, что старался.

Миссис Калвер. Как он выглядел?

Констанс. Такой высокий.

Миссис Калвер. Они все были высокими.

Констанс. С каштановыми волосами и карими глазами.

Миссис Калвер. Они все были с каштановыми волосами и карими глазами.

Констанс. Он божественно танцевал.

Миссис Калвер. Они все божественно танцевали.

Констанс. Я едва не вышла за него замуж, знаешь ли.

Миссис Калвер. Так почему не вышла?

Констанс. Я думаю, он слишком явственно выказывал желание лечь на пол, чтобы я могла вытирать об него ноги.

Миссис Калвер. Короче, ему не доставало чувства юмора.

Констанс. Я была абсолютно уверена в том, что он меня любит, а вот насчет Джона такой абсолютной уверенности у меня не было.

Миссис Калвер. Зато теперь она есть, не так ли?

Констанс. О, да. Джон меня обожает.

Миссис Калвер. И чего этот молодой человек решил заглянуть к тебе сегодня?

Констанс. Он уже далеко не молодой человек. Тогда ему было двадцать девять, а теперь почти сорок пять.

Миссис Калвер. Он по-прежнему влюблен в тебя?

Констанс. Мне бы не хотелось так думать. Неужели такое возможно через пятнадцать лет? Маловероятно. Не смотри на меня так, мама. Я этого не люблю.

Миссис Калвер. Тогда не верти со мной хвостом. Разумеется, ты знаешь, влюблен он в тебя или нет.

Констанс. Но я не видела его с тех пор, как вышла за Джона. Видишь ли, он живет в Японии. У него торговый дом в Кобе. Во время войны приезжал в краткосрочный отпуск. Но я тогда сильно болела и не приняла его.

Миссис Калвер. Ага! Тогда почему он приехал снова? Ты с ним переписывалась?

Констанс. Разумеется, нет. Тому, кого не видят пятнадцать лет, писем не пишут. Но каждый год ко дню моего рождения он присылает букет.

Миссис Калвер. Как мило с его стороны.

Констанс. А недавно я получила от него письмо, в котором он сообщал, что находится в Англии и хочет повидаться со мной. Вот я и пригласила его на сегодня.

Миссис Калвер. Я только удивляюсь, ну почему ты у нас такая умная.

Констанс. Скорее всего, он сильно переменился. Мужчины так быстро стареют, не так ли? Может, стал лысым и толстым.

Миссис Калвер. А может, он женился.

Констанс. Если б женился, едва ли у него возникло бы желание увидеться со мной, не так ли?

Миссис Калвер. Как я понимаю, ты исходишь из того, что он по-прежнему влюблен в тебя.

Констанс. Да нет же.

Миссис Калвер. Тогда почему ты так нервничаешь?

Констанс. Это же естественно. Я не хочу, чтобы он, увидев меня, подумал, что я старая и страшная. Он боготворил меня, мама. Наверное, думает, что я такая же, как и была. Мне бы не хотелось, чтобы у него отпала челюсть, когда он войдет в эту комнату.

Миссис Калвер. Так может, тебе лучше встретиться с ним наедине?

Констанс. Нет, мама, ты должна остаться. Я прошу тебя. А вдруг он окажется таким страшным, что я больше не захочу его видеть. Тогда твое присутствие многое упростит. Может, мне не захочется остаться с ним один на один.

Миссис Калвер. Ага.

Констанс *(с хитринкой в глазах)* . С другой стороны, может, и захочется.

Миссис Калвер. Тем самым ты ставишь меня в неловкое положение.

Констанс. А теперь слушай. Если я решу, что он ужасен, мы несколько минут поговорим о погоде и урожае, а потом выдержим паузу и многозначительно поглядим на него. Под такими взглядами мужчина чувствует себя круглым дураком. Чувствовать себя круглым дураком мужчины не любят, а потому он поднимется и уйдет.

Миссис Калвер. Иногда они не знают как уйти, бедняжки, а земля не может разверзнуться и поглотить их.

Констанс. А вот если я подумаю, что он очень мил, то достану носовой платочек и положу на пианино.

Миссис Калвер. Зачем?

Констанс. Дорогая, чтобы ты могла подняться на свои старенькие ножки и сказать, что тебе пора уходить.

Миссис Калвер. Да, это я поняла, но почему тебе надо класть платок на пианино?

Констанс. Потому что я – существо импульсивное. Вот у меня и может возникнуть импульсивное желание положить платок на пианино.

Миссис Калвер. Очень хорошо. Но я никогда не доверяла импульсам.

(Появляется Бентли и объявляет о приходе Бернарда Керсала. В гостиную входит симпатичный, загорелый, пышущий здоровьем мужчина. У него отличная фигура и он выглядит моложе своих сорока пяти лет.)

Бентли. Мистер Керсал.

Констанс. Добрый день. Ты помнишь мою маму?

Бернард *(пожимает ей руку)* . Я уверен, что она меня не помнит.

(Констанс достает из сумочки маленький носовой платок.)

Миссис Калвер. Какой вы проницательный.

Констанс. Для чая уже поздновато, не так ли? Хочешь что-нибудь выпить?

(Она идет к звонку и по пути кладет на пианино носовой платок.)

Бернард. Нет, благодарю, я только что пропустил стаканчик.

Констанс. Чтобы набраться мужества?

Бернард. Я нервничал.

Констанс. Как ты и ожидал, я сильно изменилась?

Бернард. Я нервничал не из-за этого.

Миссис Калвер. Все дело в тех пятнадцати годах, которые вы не видели Констанс?

Бернард. Да. Я не смог повидаться с ней, когда в последний раз был в Англии. А после

демобилизации мне пришлось сразу же ехать в Японию и восстанавливать свой бизнес. И только сейчас я смог вернуться.

(Констанс бросает на мать многозначительные взгляды, но та предпочитает их не замечать. Констанс достает из сумочки второй носовой платок и, когда представляется возможность, кладет его на пианино рядом с первым.)

Миссис Калвер. Вы приехали надолго?

Бернард. На год.

Миссис Калвер. Привезли с собой жену?

Бернард. Я не женат.

Миссис Калвер. А Констанс говорила мне, что вы женаты на японке.

Констанс. Чепуха, мама. Я тебе ничего такого не говорила.

Миссис Калвер. Да, наверное, я подумала о Джулии Линтон. Она вышла замуж за египетского пашу. Насколько я понимаю, очень счастлива. Во всяком случае, он ее еще не убил.

Бернард. Как твой муж?

Констанс. У него все хорошо. Я надеюсь, что он скоро к нам зайдет.

Бернард. Вроде бы у тебя была маленькая сестренка. Как она?

Миссис Калвер. Он про Марту. Все собирается замуж.

Констанс. Она не намного меня моложе. Ей уже тридцать два.

(Миссис Калвер никак не замечает лежащие на пианино платки и в отчаянии Констанс достает из сумочки третий носовой платок, кладет его рядом с первыми двумя.)

Миссис Калвер. Вам нравится Восток, мистер Керсал?

Бернард. Жить там можно очень неплохо, знаете ли.

(Вот тут миссис Калвер замечает три носовых платка и вздрагивает.)

Миссис Калвер. Не подскажите, который теперь час?

Констанс. Уже поздно, мама. Ты ведь сегодня обедаешь не дома? Думаю, тебе надо немного полежать, прежде чем ты начнешь одеваться к обеду.

Миссис Калвер. Надеюсь вновь увидеться с вами, мистер Керсал.

Бернард. Буду рад нашей новой встрече.

(Констанс провожает мать к двери.)

Миссис Калвер. До свидания, дорогая. *(Шепотом.)* Я никак не могла вспомнить, что мне надо делать, увидев платки, уйти или остаться.

Констанс. Для этого тебе следовало использовать глаза по их прямому назначению. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, что после пятнадцати лет разлуки с таким мужчиной есть о чем поговорить наедине.

Миссис Калвер. Ты меня совершенно запутала, выкладывая на пианино все новые носовые платки.

Констанс. Ради Бога, уходи, мама. *(Громко.)* До свидания, моя сладенькая. Так жаль, что тебе надо бежать.

Миссис Калвер. До свидания.

(Она уходит, Констанс возвращается в гостиную.)

Констанс. Ты уж извини нас за перешептывание. Мама обожает секретничать.

Бернард. Какие пустяки.

Констанс. А теперь давай присядем, устроимся по-удобнее. Позволь мне взглянуть на тебя. Ты совсем не изменился. Только чуть похудел и, возможно, прибавилось морщин.

Мужчины такие счастливые, с возрастом они становятся интереснее. Ты знаешь, что мне уже тридцать шесть?

Бернард. Какое это имеет значение?

Констанс. Хочешь, я открою тебе маленькую тайну? Когда ты написал и попросил разрешения зайти, я так обрадовалась, подумав, что вновь увижу тебя, и немедленно послала ответ. А потом меня охватила паника. Я бы многое отдала за то, чтобы письмо вернулось ко мне. Вот и сегодня у меня весь день сосало под ложечкой. Ты не заметил, как подгибались у меня колени, когда ты вошел в гостиную?

Бернард. Господи, но почему?

Констанс. Дорогой мой, я думаю, что ты, должно быть, глуповат. Я же не дура и знаю, что в молодости была красоткой. Неприятно, знаешь ли, когда приходится признавать, что с годами красота блекнет. Об этом тебе никто не скажешь. Сама стараешься гнать от себя такие мысли. Но я решила, что лучше узнать самое худшее. Это одна из причин, по которым я пригласила тебя.

Бернард. Ты же должна понимать, что я никогда не сказал бы тебе плохого слова, что бы ни подумал.

Констанс. Естественно. Но я не сводила глаз с твоего лица. Боялась, что прочитаю на нем: «Господи, что с ней случилось?»

Бернард. Прочитала?

Констанс. Ты очень стеснялся, когда вошел. Боялся поднять на меня глаза.

Бернард. Это правда, пятнадцать лет тому назад ты была симпатичной девушкой. Но теперь стала в десять раз прекраснее.

Констанс. как приятно это слышать.

Бернард. Ты не веришь?

Констанс. Я думаю, ты не лукавишь. И, признаюсь, это радует. Но теперь скажи мне, почему ты не женился? Давно пора, знаешь ли, скоро будет поздно. Если не женишься, тебя будет ждать очень одинокая старость.

Бернард. Я не хотел жениться ни на ком, кроме тебя.

Констанс. Да перестань, не хочешь же ты сказать мне, что ни в кого не влюблялся после того, как влюбился в меня?

Бернард. Я влюблялся с полдюжины раз, но когда приходило время принимать решение, находил, что тебя люблю больше.

Констанс. Спасибо тебе. Я бы не поверила, скажи ты, что больше ни в кого не влюблялся, и рассердилась бы на тебя, решив, что ты принимаешь меня за дуру, которая может поверить.

Бернард. Видишь ли, и в других я любил тебя. Одну, потому что у нее были такие же волосы, вторую – из-за улыбки, которая напоминала твою.

Констанс. Мне не хочется думать, что я лишила тебя радостей жизни.

Бернард. Но ты и не лишила. Мне грех жаловаться. Работа доставляла мне удовольствие, принесла приличные деньги, дала возможность повидать мир, не мешала хорошему отдыху. Я не виню тебя за то, что ты вышла за Джона, а не за меня.

Констанс. Ты помнишь Джона?

Бернард. Разумеется, помню. Очень интересный мужчина. Рискну сказать, он стал тебе лучшим мужем, чем был бы я. У меня есть не только плюсы, но и минусы. Я иногда становлюсь очень раздражительным. А Джон наверняка смог дать тебе все, что ты хотела. За ним ты, как за каменной стеной. Между прочим, я могу и дальше называть тебя Констанс?

Бернард. Разумеется. Почему нет? Знаешь, я все более убеждаюсь в том, что у тебя очень хороший характер, Бернард.

Бернард. Ты счастлива с Джоном?

Констанс. Да, очень. Не могу сказать, что он никогда не огорчал меня. Однажды это случилось, но я взяла себя в руки и постаралась не совершать глупостей. Теперь очень этому рада. Я думаю, что могу, положив руку на сердце, сказать, что у нас счастливая семья.

Бернард. Чертовски рад это слышать. Ты не обидишься, если я спрошу, любит ли тебя Джон?

Констанс. Уверена, что любит.

Бернард. А ты любишь его?

Констанс. Очень.

Бернард. Позволишь произнести короткую речь?

Констанс. При условии, что смогу прервать тебя, если сочту, что пора.

Бернард. Я надеюсь, что за год, который я пробуду в Англии, ты разрешишь мне часто видиться с тобой.

Констанс. Я тоже хочу видеть тебя как можно чаще.

Бернард. Я хочу сразу прояснить один момент, чтобы больше к этому не возвращаться. Я так же безумно влюблен в тебя, как и пятнадцать лет тому назад, когда попросил выйти за меня замуж. Я думаю, что буду любить тебя всю жизнь. Я слишком стар, чтобы менять свои пристрастия. Но я хочу, чтобы ты знала: тебе нет нужды бояться, что я хоть в малейшей степени попытаюсь помешать твоему счастью. У меня и в мыслях нет вбить клин в твои отношения с Джоном. Полагаю, мы все хотим быть счастливыми, но не я не верю, что можно построить свое счастье на несчастьях других.

Констанс. Речь получилась не такая уж длинная. На официальном обеде она сошла бы за несколько ремарок.

Бернард. Я прошу тебя лишь о дружбе, а если в обмен я хочу отдать тебе мою любовь, то касается это только меня и никого другого.

Констанс. Я так не думаю. И уверена, что мы сможем крепко подружиться, Бернард.

(Дверь открывается, входит Джон.)

Джон. Извини, я не знал, что ты занята.

Констанс. Да нет же. Заходи. Это Бернард Керсал.

Джон. Добрый день.

Бернард. Полагаю, вы меня не помните.

Джон. Раз уж вы так ставите вопрос, признаюсь – нет.

Констанс. Да перестань, Джон. Он бывал у мамы.

Джон. До того, как мы поженились, не так ли?

Констанс. Да. Вы провели вместе несколько уик-эндов.

Джон. Дорогая моя, но прошло пятнадцать лет! Вы уж извините, что не узнал вас, но я очень рад нашей новой встрече.

Констанс. Он только что вернулся из Японии.

Джон. Тогда я надеюсь, что мы увидимся вновь. Я сейчас иду в клуб, дорогая, сыграю до обеда в роббер. *(Бернарду.)* Почему бы вам не пообедать с Констанс? Вечером мне предстоит вырезать аппендицит, так что она остается одна, бедняжка.

Бернард. Вы очень добры.

Констанс. Это будет дружеская помощь. Вы вечером не заняты?

Бернард. Я всегда готов помочь другу.

Констанс. Вот и прекрасно. Жду вас в восемь пятнадцать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Место действия: прежнее.

Прошло полмесяца.

Марта в уличном костюме и шляпке пролистывает иллюстрированную газету.

Входит Бентли.

Бентли. Пришел мистер Керсал, мисс.

Марта. О! Спроси его, не сможет ли он подняться.

Бентли. Будет исполнено, мисс. *(Уходит и тут же возвращается, чтобы объявить о приходе мистера Керсала, потом уходит.)* Мистер Керсал.

Марта. Констанс одевается. Скоро будет.

Бернард. Понятно. Никакой спешки нет.

Марта. Вы собрались в Рейнлаф, не так ли?

Бернард. Есть такая идея. Я знаю нескольких парней, которые сегодня играют.

Марта. В Лондоне тебе нравится?

Бернард. Более чем. Если человек прожил полжизни на Востоке, вернувшись домой он, естественно чувствует себя не в своей тарелке. Но Констанс и Джон помогли мне быстро адаптироваться.

Марта. Тебе нравится Джон?

Бернард. Да. Он чертовски добр.

Марта. Знаешь, а ведь я хорошо тебя помню.

Бернард. Быть такого не может. Ты была ребенком, когда я приходил к вам.

Марта. Мне было шестнадцать. Или ты думаешь, что я не трепетала, глядя на кавалеров Констанс?

Бернард. Их было очень уж много. Должно быть, трепетала ты лишь с перерывом на сон.

Марта. Но ты был одним из самых серьезных. Я находила тебя ужасно романтичным.

Бернард. Я и был ужасно романтичным. Думаю, молодым это к лицу.

Марта. По моему разумению, не только молодым.

Бернард. Не уверен, что романтики во мне не поубавилось. Я теперь стою немалых денег, поправился. Цена шелка вытеснила многие грезы.

Марта. Ты – бессовестный лжец.

Бернард. На это я могу ответить только одно: ты чрезмерно груба.

Марта. Тогда ты был безумно влюблен в Констанс, не так ли?

Бернард. Знаешь, это было так давно, что я уже и забыл.

Марта. Я советовала ей выйти за тебя, а не за Джона.

Бернард. Почему?

Марта. Во-первых, ты жил в Японии. Я бы без раздумий вышла замуж за человека, который увез бы меня туда.

Бернард. Я и сейчас там живу.

Марта. Нет, выходить за тебя замуж я не хочу.

Бернард. Я об этом догадываюсь.

Марта. Откровенно говоря, не могу понять, что она увидела в Джоне.

Бернард. Полагаю, она его любила.

Марта. Я вот думаю, а сожалела она о том, что предпочла Джона – тебе.

Бернард. Да нет же. Джон полностью ее устраивает и она никогда не захочет поменять его на другого мужчину.

Марта. Это раздражает, не так ли?

Бернард. Не могу с тобой согласиться. Всегда приятно видеть семейную пару, в которой муж и жена довольны друг другом.

Марта. Ты по-прежнему влюблен в нее, так?

Бернард. Отнюдь.

Марта. Клянусь моей душой, у тебя железная выдержка. Но ты постоянно выдаешь себя. Знаешь, как ты выглядишь, когда она входит в комнату? А что происходит с твоими глазами, когда ты смотришь на нее? Да ты произносишь ее имя, словно целуешь его.

Бернард. Когда тебе было шестнадцать, Марта, я полагал тебя несносным ребенком, а в тридцать два ты превратилась в ужасную женщину.

Марта. Да нет же. Просто я очень люблю Констанс и проникаюсь к тебе все более теплыми чувствами.

Бернард. А тебе не приходила в голову мысль о том, что демонстрировать эти чувства ты можешь, занимаясь исключительно своими делами?

Марта. Почему ты сердишься на меня, если я говорю тебе правду? Любой человек, понаблюдавший за тобой и Констанс в течение пяти минут, не может не понять, что ты безумно в нее влюблен.

Бернард. Дорогая моя, я приехал в Англию на год. И хочу прожить его весело и

счастливо. У меня нет ни никакого желания причинять кому-либо малейшие неудобства. Я ценю мою дружбу с Констанс и мне противна даже мысль о том, что она обрстет досужими слухами.

Марта. А ты не задумывался над тем, что ей требуется нечто большее, чем дружба?

Бернард. Нет, не требуется.

Марта. Тебе нет нужды прерывать меня.

Бернард. Констанс совершенно счастлива со своим мужем. Должно быть, ты держишь меня за свинью, если думаешь, что я могу попытаться разрушить этот идеальный союз.

Марта. Но, бедный ты мой дурачок, разве тебе не известно, что Джон давно уже изменяет Констанс у всех на глазах?

Бернард. Я этому не верю.

Марта. Спроси любого. Мама знает. Барбара Фосетт знает. Все знают, кроме Констанс.

Бернард. Это конечно же гнусная ложь. Миссис Дархэм говорила мне, когда мы встретились на обеде два или три дня тому назад, что Джон и Констанс самая любящая пара, какую она только встречала.

Марта. Это сказала тебе Мари-Луиза?

Бернард. Да.

(Марта начинает смеяться. Заходится смехом. Ничего не может с собой поделать.)

Марта. Это же надо, Мари-Луиза. О, мой бедный Бернард. Мари-Луиза – любовница Джона.

Бернард. Мари-Луиза – самая близкая подруга Констанс.

Марта. Да.

Бернард. Если все это ложь, клянусь Богом, я сверну тебе шею.

Марта. Согласна.

Бернард. Зря я это сказал. Извини.

Марта. Да ладно. Мне нравятся неистовые мужчины. Думаю, такой, как, ты Констанс и нужен.

Бернард. Что ты хочешь этим сказать?

Марта. Так продолжаться просто не может. Констанс стала всеобщим посмешищем. Ее положение чудовищно. Я считала, ей следовало обо всем рассказать, а поскольку все увиливали, уже хотела сделать это сама. Но мама со мной не согласилась и мне пришлось пообещать ей, что от меня Констанс ничего не узнает.

Бернард. Уж не думаешь ли ты, что ей скажу я?

Марта. Нет, ты на эту роль определенно не годишься. Но когда-нибудь все раскроется. Она узнает, что творится у нее под боком. Вот я и хочу, чтобы в этот момент... ты оказался рядом.

Бернард. Но Мари-Луиза замужем. Как поведет себя ее муж?

Марта. У него одна цель в жизни – заработать миллион. Он – тот самый дурак, который думает, что женщина любит его, потому что он любит ее. Мари-Луиза вертит им, как хочет.

Бернард. И Констанс ничего не подозревала?

Марта. Никогда. Достаточно взглянуть на нее, чтобы это понять. Ее самоуверенность иногда сводит с ума.

Бернард. А может, оно и к лучшему, если Констанс ничего не узнает? Она такая счастливая. Такая беззаботная. У нее такие честные, такие доверчивые глаза.

Марта. Я думала, ты ее любишь.

Бернард. Ее счастье для меня превыше всего на свете.

Марта. Тебе сорок пять, не так ли? Я вдруг об этом забыла.

Бернард. Умеешь ты говорить гадости.

(С лестницы слышится голос Констанс: «Бентли, Бентли».)

Марта. О, это Констанс. Где же мама? Пожалуй, пойду в кабинет и напишу письмо.

(Бернард не обращает внимания на ее слова, не пытается встать, когда она уходит. Мгновением позже в гостиной появляется Констанс.)

Констанс. Я заставила тебя ждать?

Бернард. Это неважно.

Констанс. Эй! Что случилось?

Бернард. Со мной? Ничего. А что?

Констанс. У тебя такое странное лицо. А почему вдруг затуманились глаза?

Бернард. Понятия не имел, что затуманились.

Констанс. Ты пытаешься что-то скрыть от меня?

Бернард. Разумеется, нет.

Констанс. Получил плохие новости из Японии?

Бернард. Нет. Наоборот. Шелк только растет в цене.

Констанс. Значит, ты собираешься сказать мне, что обручился с деревенской девушкой.

Бернард. Нет, не обручился.

Констанс. Я ненавижу людей, которые не делятся со мной своими секретами.

Бернард. Нет у меня никаких секретов.

Констанс. Или ты думаешь, что я недостаточно изучила твое лицо и не могу читать его, как открытую книгу?

Бернард. Ты мне льстишь. Я и представить себе не мог, что ты не сочла за труд дважды взглянуть на мое уродливое лицо.

Констанс *(с внезапно проснувшейся подозрительностью)* . Когда ты пришел, Марта была здесь? Она не успела уйти, не так ли?

Бернард. Она ждала маму. А сейчас ушла в другую комнату, чтобы написать письма.

Констанс. Ты с ней общался?

Бернард *(как можно небрежнее)* . Да, мы немного поболтали о погоде.

Констанс *(мгновенно сообразив, что произошло)* . О... Не пора ли нам ехать?

Бернард. Времени еще предостаточно. Нет смысла приезжать слишком рано.

Констанс. Тогда я сниму шляпу.

Бернард. Здесь очень здорово, не правда ли? Мне нравится твоя комната.

Констанс. Ты думаешь, в ней не стыдно принимать гостей? Я все придумала сама. Барбара Фосетт хочет, чтобы я пошла работать к ней. Она занимается проектированием интерьеров и зарабатывает кучу денег.

Бернард *(улыбкой пытаясь скрыть озабоченность, звучащую в вопросе)* . Разве ты не счастлива дома?

Констанс *(резковато)* . Я не думаю, что женщина хочет чем-то занять себя исключительно потому, что она несчастна. Надоедает, знаешь ли, отдавать все свое время балам и приемам. А на предложение Барбары я ответила отказом.

Бернард *(настойчиво)* . Так ты счастлива, не так ли?

Констанс. Очень.

Бернард. В последние две недели ты сделала меня самым счастливым человеком на свете. Мне казалось, что я никуда и не уезжал. Ты была так добра ко мне!

Констанс. Я очень рада, если ты так думаешь. Но вообще-то я ничего особенного для тебя и не сделала.

Бернард. Нет, сделала. Ты позволила мне видеть тебя.

Констанс. То же самое, знаешь ли, я позволяю и полисмену на углу.

Бернард. Я стараюсь говорить с тобой исключительно о ерунде, но все рано продолжаю любить тебя всем сердцем.

Констанс *(очень холодно)* . Когда ты первый раз пришел сюда, мы договорились, что твои чувства – всецело твое личное дело.

Бернард. Ты возражаешь против того, что я люблю тебя?

Констанс. Разве мы все не должны любить друг друга?

Бернард. Не смейся надо мной.

Констанс. Дорогой мой, какой тут смех. Я довольна, польщена, даже тронута. Это же прекрасно, что я кому-то небезразлична...

Бернард *(прерывая)*. Приятно слышать.

Констанс. После стольких лет.

Бернард. Если бы пятнадцать лет назад кто-нибудь сказал мне, что я смогу любить тебя больше, чем тогда, я бы не поверил. Но теперь я люблю тебя в десять раз сильнее, чем прежде.

Констанс *(продолжает свою речь)*. Но я ни в малейшей степени не хочу, чтобы сейчас ты признавался мне в любви.

Бернард. Знаю. Я и не собираюсь. Я очень хорошо тебя знаю.

Констанс *(в некотором недоумении, забавляясь)*. Что-то я не пойму, а чем ты, собственно, занимаешься последние пять минут?

Бернард. Всего лишь излагаю факты.

Констанс. Тогда извини. Я-то подумала, что совсем другим. Боюсь, ты мог бы неправильно истолковать мои слова, скажи я, что мне любопытно посмотреть, как бы ты попытался завоевать меня теперь.

Бернард *(добродушно)*. Я знаю, что ты смеешься надо мной.

Констанс. В надежде научить тебя смеяться над собой.

Бернард. Полмесяца я был пайнкой, не так ли?

Констанс. Да, я даже задавалась вопросом, как тебе это удастся?

Бернард. А теперь позволю себе на минуту сбросить маску.

Констанс. На твоём месте я бы без этого обошлась.

Бернард. Не могу. Я хочу хоть раз сказать тебе, что готов целовать землю, по которой ступали твои ноги. Для меня никогда не было такой, как ты.

Констанс. Ерунда. Было с полдюжины. Со мной – семь.

Бернард. Они все были тобой. Я люблю тебя всем сердцем. Восхищаюсь больше, чем любой женщиной, которых мне доводилось встретить. Я уважаю тебя. Я веду себя, как круглый идиот. Не нахожу слов, что выразить свои чувства. Я люблю тебя. Хочу, чтобы ты знала: если ты попадешь в беду, я сочту за величайшее счастье откликнуться на твою просьбу о помощи.

Констанс. Какой ты милой. Только не понимаю, с чего с могу попасть в беду?

Бернард. Всегда и при любых обстоятельствах ты можешь рассчитывать на меня. Я сделаю для тебя все, что только возможно. Если тебе что-то от меня понадобится, дай только знать. Я буду горд и счастлив отдать за тебя свою жизнь.

Констанс. Я тебе очень признательна.

Бернард. Ты мне не веришь?

Констанс *(с очаровательной улыбкой)*. Конечно же, верю.

Бернард. Мне хочется надеяться, что мои слова хоть чуть-чуть, но коснулись твоей души.

Констанс *(чувствуется, что она потрясена этим водопадом любви)*. Они так много для меня значат. Спасибо тебе.

Бернард. Больше мы говорить об этом не будем.

Констанс *(возвращаясь к привычной холодности)*. Но почему ты счел необходимым высказать все это именно сейчас?

Бернард. Хотел облегчить душу.

Констанс. Неужели?

Бернард. Ты на меня не сердишься?

Констанс. Бернард, я же, в конце концов, не дура... Так жаль, что Марта никак не выйдет замуж.

Бернард. Только не думай, что я собираюсь на ней жениться.

Констанс. Я и не думаю. Тогда она тратила бы всю свою кипучую энергию на мужа. Она очень хорошая, знаешь ли. Лгунья, конечно, но в остальном в полном порядке.

Бернард. Да?

Констанс. Да, ужасная лгунья, даже для женщины... Не пора ли нам? Не хотелось бы приехать к самому окончанию игры.

Бернард. Хорошо. Поехали.

Констанс. Я надевая шляпу. Послушай, неужели нас все время ждало такси?

Бернард. Нет, у меня машина. Я подумал, что ты не откажешься от услуг такого водителя.

Констанс. Открытая или закрытая?

Бернард. Открытая.

Констанс. Дорогой, тогда я должна взять другую шляпу. С широкими полями, как эта, для автомобиля с открытым верхом не годится. Придется держать ее обеими руками.

Бернард. Извини меня.

Констанс. Ничего страшного. Вернусь через минуту. Уж если ехать в автомобиле, то со всеми удобствами.

(Она уходит. Тут же появляется Бентли приводит в гостиную Мари-Луизу.)

Мари-Луиза. Добрый день. *(Бентли)* Вы тотчас же скажете мистеру Миддлтону?

Бентли. Да, мадам.

(Бентли уходит.)

Мари-Луиза *(раскрасневшаяся от волнения)* . Мне надо кое-что сказать Джону, но внизу ждут пациенты, вот я и попросила Бентли позвать его сюда.

Бернард. Не буду мешать.

Мари-Луиза. Вы уж меня извините, но дело срочное. Джон терпеть не может, когда его отвлекают от приема.

Бернард. Я побуду в другой комнате.

Мари-Луиза. Вы ждете Констанс,

Бернард. Да, мы едем в Рейнлаф. Там сегодня играют в поло. Она меняет шляпу.

Мари-Луиза. Да, да. Бентли сказал мне, что она наверху. До свидания. Я только на минутку. *(Бернард выходит в соседнюю комнату и тут же появляется Джон.)* О, Джон, ты уж извини, что пришлось оторвать тебя от пациентов.

Джон. Ничего страшного. Они могут подождать несколько минут. *(Бернард закрыл за собой дверь и тон Джона меняется. Теперь они говорят тихо, отрывистыми фразами, нервно.)* Что-то случилось?

Мари-Луиза. Мортимер.

Джон. Что с ним?

Мари-Луиза. Я уверена, что он подозревает.

Джон. Почему?

Мари-Луиза. Он вчера так странно вел себя вчера. Пришел в мою комнату, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Присел на кровать. Начал болтать, спросил, чем я занималась весь вечер...

Джон. Надеюсь, ты ему не сказала?

Мари-Луиза. Нет, я сказала, что обедала здесь. И внезапно он вскочил, сказал мне: «Спокойной ночи», – и вышел. Таким неприятным голосом, что я не могла не посмотреть на него. Он покраснел, как индюк.

Джон. Это все?

Мари-Луиза. Он уехал в Сити, не зайдя ко мне и не пожелав доброго утра.

Джон. Должно быть, спешил.

Мари-Луиза. Раньше находил время.

Джон. Я думаю, ты раздуваешь из мухи слона.

Мари-Луиза. Не говори глупостей, Джон. Разве ты не видишь, как я нервничаю?

Джон. Вижу. И пытаюсь убедить тебя, что волноваться не о чем.

Мари-Луиза. Какие же мужчины дураки. Никак не могут понять, что главное – это мелочи. Говорю тебе, я до смерти напугана.

Джон. Ты же знаешь, что между подозрениями и доказательствами – дистанция огромного размера.

Мари-Луиза. Я не думаю, что он сможет что-нибудь доказать. Но он может попортить нам жизнь. Допустим, поделится своими идеями с Констанс?

Джон. Она ему не поверит.

Мари-Луиза. Если дойдет до худшего, с Мортимером я справлюсь. Он безумно в меня влюблен. Женщина всегда может на этом сыграть.

Джон. Разумеется, ты можешь вертеть Мортимером, как хочешь.

Мари-Луиза. Я умру от стыда, если Констанс узнает. В конце концов, она – моя ближайшая подруга и я очень ее люблю.

Джон. Констанс – прелесть. Я не верю, что дело дойдет до скандала, но не сомневаюсь, что и в этом случае я найду с Констанс общий язык.

Мари-Луиза. Ты так думаешь?

Джон. Наверное, она задаст мне трепку. Как и любая женщина на ее месте. Но она сделает все возможное, чтобы помочь нам.

Мари-Луиза. Хорошо же ты знаешь женщин. Тебе она поможет, такое возможно. А на мне потопчется обеими ногами. Такова человеческая природа.

Джон. Констанс – не такая.

Мари-Луиза. Скажу честно, Джон, не будь я уверена в твоих чувствах ко мне, я бы могла заревновать, услышав, как ты превозносишь Констанс.

Джон. Слава Богу, ты улыбаешься. Значит, справились с нервами.

Мари-Луиза. Потому что выговоришься. Действительно, все уже не так и черно.

Джон. Я уверен, для твоих страхов нет никаких оснований.

Мари-Луиза. . Может, все это мои фантазии. Но все равно мы ужасно рискуем.

Джон. Вероятно. А все потому, что ты чертовски красива.

Мари-Луиза. Не пора тебе вернуться к пациентам?

Джон. Пожалуй. Ты дождешься Констанс?

Мари-Луиза. Конечно. Меня не поймут, если я уйду, не повидавшись с ней.

Джон (уходя). Тогда, до встречи. И не волнуйся.

Мари-Луиза. Не буду. Наверное, причина всему – угрызения совести. Пойду вымою голову и сделаю другую прическу.

(Джон уже берет за ручку двери, когда через другую дверь входит Марта, за ней – Бернард.)

Марта (с приторной вежливостью). Я и не знала, что ты здесь, Мари-Луиза.

Мари-Луиза. Это неважно.

Марта. Я писала письмо, ждала маму и Бернард только что сказал мне о твоём приходе.

Мари-Луиза. Я хотела кое-что сказать Джону.

Марта. Надеюсь, со здоровьем у тебя все в порядке, дорогая?

Мари-Луиза. У меня – да. Но Мортимер в последнее время выглядит очень подавленным, вот я и хотела, чтобы Джон убедил его взять отпуск.

Марта. Я почему-то думала, что в таком деле он скорее последует совету терапевта, а не хирурга.

Мари-Луиза. Мортимер полностью доверяет Джону, знаешь ли.

Марта. И в этом он абсолютно прав. Джон, безусловно, заслуживает доверия.

Джон. Ты хочешь воспользоваться моими услугами, Марта? Если тебе надо вырезать аппендицит или удалить миндалины, ты только скажи.

Марта. Мой дорогой Джон, у меня и так осталось все самое необходимое. Если ты вырежешь что-нибудь еще, боюсь, я этого не переживу.

Джон. Дорогая моя, пока у женщины есть одна нога, на которой она может стоять, ей бессмысленно рассчитывать на сочувствие хирурга.

(Входят Констанс и миссис Калвер.)

Мари-Луиза (целует Констанс). Дорогая.

Констанс. Как твое колено? Все подворачивается?

Мари-Луиза. Оно меня постоянно беспокоит, то больше, то меньше.

Констанс. Да, конечно. Я думаю, ты очень уж терпелива. На твоём месте я бы обрушила на Джона громы и молнии. Разумеется, у меня не возникнет и мысли обратиться к нему, если я почувствую недомогание.

Миссис Калвер. Извини, что задержалась, Марта. Ты меня зажала?

Марта. Да нет, я очень неплохо провела время.

Миссис Калвер. Другим тоже понравилась твоя компания?

Констанс. Я встретила маму на лестнице и она побыла со мной, пока я меняла шляпу. Бернард везет меня в Рейнлаф.

Джон. Как это здорово.

Бернард. Мы уже опаздываем.

Констанс. Это так важно?

Бернард. Да нет.

(Входит Бентли, держа в руке маленький поднос с визитной карточкой, подает ее Констанс. Она смотрит на визитку и на ее лице отражается недоумение.)

Констанс. Как странно.

Джон. Что случилось, Констанс?

Констанс. Ничего *(Несколько секунд раздумывает.)* Он внизу?

Бентли. Да, мадам.

Констанс. Я не понимаю, чего он послал мне визитку. Пригласи его.

Бентли. Очень хорошо, мадам.

(Бентли уходит.)

Джон. Кто это, Констанс?

Констанс. Мари-Луиза, присядь.

Мари-Луиза. Мне пора бежать, да и тебе тоже.

Констанс. Времени хватит. Тебе нравится эта шляпа?

Мари-Луиза. Да, очень миленькая.

Констанс. Что ты здесь делаешь, Джон? Разве у тебе нет пациентов?

Джон. Есть, двое или трое. Я как раз собирался спуститься вниз. Но подумал, что заслужил сигарету *(сует руку в карман)*. Куда-то задевал портсигар. Ты его не видела, Констанс?

Констанс. Нет, не видела.

Джон. Искал его все утро. Не могу понять, где оставил. Надо позвонить в больницу и спросить, нет ли его там.

Констанс. Я надеюсь, ты его не потерял.

Джон. Нет, конечно же, нет. Просто куда-то положил.

(Открывается дверь, Бентли объявляет о приходе гостя.)

Бентли. Мистер Мортимер Дархэм.

Мари-Луиза *(в ужасе)*. О!

Констанс *(сжимает ей запястье)*. Сиди тихо, дура.

(Входит Мортимер Дархэм. Полноватый, крупный мужчина лет сорока, с багровым лицом и вспыльчивым характером. Вот и сейчас он кипит гневом. Бентли уходит.)

Констанс. Привет, Мортимер? Что ты делаешь в наших краях в такой час? И почему ты послал мне визитку?

(Мортимер останавливается посреди гостиной, оглядывается.)

Мари-Луиза. что случилось, Мортимер?

Мортимер *(Констанс, едва сдерживая ярость)* . Я подумал, что тебе будет небезынтересно узнать, что твой муж – любовник моей жены.

Мари-Луиза. Морти!

Констанс *(одной рукой крепко сжимая запястье Мари-Луизы и очень холодно)* . Неужели? С чего ты так решил?

Мортимер *(доставая из кармана золотой портсигар)* . Узнаешь? Вчера вечером я нашел его под подушкой моей жены.

Констанс. Какое счастье. А я все ломала голову, где я его оставила. *(Берет у него портсигар)* . Премного тебе благодарна.

Мортимер *(зло)* . Это не твой портсигар.

Констанс. Да мой же! Я сидела на кровати Мари-Луизы и, должно быть, машинально засунула его под подушку.

Мортимер. На нем инициалы Джона.

Констанс. Знаю. Портсигар подарил ему благодарный пациент, а я решила, что он слишком хорош для моего мужа, и забрала себе.

Мортимер. Ты принимаешь меня за дурака, Констанс?

Констанс. Мой дорогой Морти, с чего мне говорить, что это мой портсигар, если это не так?

Мортимер. Они обедали вместе.

Констанс. Мой бедный Морти, я это знаю. Ты отправлялся на банкет в Сити или куда-то еще, Мари-Луиза позвонила и спросила, не приютим ли мы ее за нашим столом.

Мортимер. Так она обедала здесь?

Констанс. Разве она тебе не сказала?

Мортимер. Сказала.

Констанс. Это же очень легко доказать. Если ты не веришь мне, мы сейчас позовем дворецкого и ты сможешь спросить его сам... Джон, пожалуйста, позвони в звонок.

Мортимер *(неловко)* . Не надо. Если ты даешь слово, я, конечно, тебе верю.

Констанс. Ты очень добр. И я благодарна тебе за то, что спас от унижения, которое я бы испытала, если бы ты попросил дворецкого подтверждать мои слова.

Мортимер. Если Мари-Луиза ужинала здесь, почему ты сидела на ее кровати?

Констанс. Джона вызвали на срочную операцию, а Мари-Луиза хотела показать мне обновки, полученные из Парижа, вот я и заглянула к вам. Вечер-то выдался чудесный. Ты помнишь, не так ли?

Мортимер. Черт побери, у меня слишком много дел, чтобы обращать внимание на погоду.

Констанс. Мы все перемеряли, устали, Мари-Луиза легла в постель, я села рядом, мы немного поболтали.

Мортимер. Если ты устала, почему не уехала домой?

Констанс. Джон пообещал заехать за мной после операции.

Мортимер. Заехал? В какое время?

Джон. Я не смог. Операция затянулась. Один из тех случаев, когда начинаешь резать, не зная, где закончишь. Ты понимаешь, о чем я, не так ли, Мортимер?

Мортимер. Нет, не понимаю. Откуда?

Констанс. Вот и все дела. Ты выдвинул против Джона и Мари-Луизы ужасное обвинение и я очень расстроилась. Но я буду сохранять спокойствие, пока не услышу все. Выкладывай свои доказательства.

Мортимер. Доказательства? Ты о чем? А портсигар? Когда я его нашел, то, естественно, сложил два и два.

Констанс *(сверкнув глазами)* . Это мне ясно, но почему в сумме ты получил пять?

Мортимер *(с нажимом, чтобы не показать, что земля начинает уходить у него из-под ног)* . Не мог я так ошибиться!

Констанс. Ошибаться могут даже самые богатые из нас. Помнится, когда умер Пирпонт Морган, у него нашли акций на семь миллионов долларов, которые не стоили ни цента.

Мортимер (неловко). Ты и представить себе не можешь, какой это был шок, Констанс. Я абсолютно доверял Мари-Луизе. Эта находка просто нокаутировала меня. Я не мог думать ни о чем другом, боялся, что сойду с ума.

Констанс. Уж не хочешь ли ты сказать, что пришел сюда и устроил эту безобразную сцену только потому, что нашел мой портсигар в комнате Мари-Луизы? Я не могу в это поверить. Ты же человек, умудренный опытом, бизнесмен, умница. Конечно же, у тебя должны быть и другие доказательства. Ты чего-то недоговариваешь. Не надо щадить моих чувств. Ты уже сказал так много, что просто обязан выложить все до конца. Я хочу знать правду, всю правду.

(Пауза. Мортимер в полном замешательстве смотрит то на тихо плачущую Мари-Луизу, то на Констанс.)

Мортимер. Боюсь, я выставил себя на посмешище.

Констанс. Похоже, так оно и есть.

Мортимер. Я очень сожалею, Констанс. Пожалуйста, извини меня.

Констанс. Обо мне не волнуйся. Ты, конечно, жестоко унижил меня. Заронил семена недоверия к Джону, которые никогда не должны...

(Ищет слово.)

Миссис Калвер (подсказывает). Взойти.

Констанс. Укорениться. Но я-то ладно. Прощение ты должен вымаливать у Мари-Луизы.

Мортимер (униженно). Мари-Луиза.

Мари-Луиза. Не прикасайся ко мне! Не подходи!

Мортимер (Констанс, горестно). Ты же знаешь, что делает с человеком ревность.

Констанс. Разумеется, нет. Я думаю, это самый мерзкий, самый отвратительный грех.

Мортимер (Мари-Луизе). Мари-Луиза, я так сожалею о случившемся. Ты меня простишь?

Мари-Луиза. Ты унижил меня на глазах всех моих друзей. Ты знаешь, как я люблю Констанс. Ты мог приписать мне любого любовника, но только не Джона!

Констанс. Только не мужа лучшей подруги. Молочника, мойщика окон, но только не мужа лучшей подруги.

Мортимер. Я просто свинья. Не знаю, что на меня нашло. Я не отдавал отчета в своих действиях.

Мари-Луиза. Все эти годы я любила тебя. Никто никогда не любил тебя так, как любила я. Это жестоко, жестоко!

Мортимер. Пойдем, дорогая. Здесь я не могу сказать тебе то, что должен сказать.

Мари-Луиза. Нет, нет, нет!

Констанс (мягко касается плеча Мортимера). Я думаю, пусть она немного посидит здесь, Морти. Я поговорю с ней после твоего ухода. Она конечно же расстроена. Ты знаешь, как тонко она все чувствует.

Мортимер. Мы обедаем с Ванкуверсами в четверть девятого.

Констанс. В половине девятого. Обещаю тебе, она успеет приехать домой и переодеться.

Мортимер. Она даст мне еще один шанс?

Констанс. Да, да.

Мортимер. Ради нее я готов на все. (Констанс прикладывает палец к губам и указывает на свое жемчужное ожерелье. Мортимер понимает не сразу, но, как только до него доходит, радостно кивает.) Ты умнейшая женщина на свете. (Уходя, останавливается, протягивает руку Джону.) Ты пожмешь мне руку, старина? Я допустил ошибку, но мне хватило мужества,

чтобы признать ее.

Джон (*задушевным тоном*) . Конечно, старина. Согласен с тобой, мужской портсигар под подушкой жены выглядел очень подозрительно. Если бы у меня возникла мысль о том, что Констанс может забыть столь дорогую вещь в чужом доме, я бы никогда не отдал ей этот портсигар.

Мортимер. Ты и представить себе не можешь, какая тяжесть свалилась с моих плеч. Сюда я входил столетним стариком, а выхожу двухлетним малышом, у которого все радости жизни еще впереди.

(Он уходит. Как только за ним закрывается дверь, атмосфера в гостиной меняется. Напряжение спадает, уступая место облегчению.)

Джон. Констанс, ты кремень. Я этого никогда не забуду. Никогда, до последнего вздоха. Клянусь Богом, ну и выдержка у тебя. Меня бросало то в жар, то в холод, а ты и глазом не моргнула.

Констанс. Между прочим, вот твой портсигар. Тебе бы припаять к нему кольцо и вешать на цепочку для часов.

Джон. Нет, нет. Оставь его для себя. Я уже староват для таких сюрпризов.

Констанс. Между прочим, кто-нибудь видел, как вы входили в дом?

Джон. Нет, мы воспользовались ключом Мари-Луизы.

Констанс. Это хорошо. Если Мортимер спросит слуг, они ничего не смогут ему сказать. Мне пришлось пойти на такой риск.

Мари-Луиза (*стыдливо*) . О, Констанс, могу представить себе, какого ты теперь обо мне мнения.

Констанс. Я? Такого же, как и прежде. Считаю, что ты очень мила, Мари-Луиза.

Мари-Луиза. Нет, быть такого не может. Я так отвратительно себя вела. Чувствую себя такой свиньей. А у тебя был шанс отплатить мне сполна, и ты им не воспользовалась. Мне так стыдно.

Констанс (*с улыбкой*) . За то, что завела роман с Джоном или потому, что попалась?

Мари-Луиза. О, Констанс, не будь такой бессердечной. Скажи все, что ты хочешь, ругай меня, кричи на меня, но не улыбайся мне. Я в ужасном положении.

Констанс. Ты хочешь, чтобы я устроила сцену ревности. Я знаю и сочувствую. Но дело в том, что Мортимер не сказал мне ничего нового.

Мари-Луиза (*в ужасе*) . Ты все знала?

Констанс. Разумеется, дорогая. И последние шесть месяцев прилагала отчаянные усилия к тому, чтобы мои друзья и родственники не поделились со мной вашим страшным секретом. Давалось мне это нелегко. Мама с ее глубоким знанием жизни, Марта с ее страстью говорить правду, чего бы это ни стоило, Барбара с ее молчаливым сочувствием подводили меня к последней черте. Но до сегодняшнего дня, пока тайное не стало явным, я могла игнорировать все факты, которые, должна сказать, довольно грубо подсовывали мне под нос.

Мари-Луиза. Но почему, почему? Это же не по-человечески. Почему ты ничего не предприняла?

Констанс. А вот это, дорогая, мое дело.

Мари-Луиза (*думая, что знает, в чем дело*) . Да, я понимаю.

Констанс (*довольно резко*) . Нет, не понимаешь. Я хранила Джону абсолютную верность. И терпела твою интрижку не для того, чтобы прикрыть ее собственную.

Мари-Луиза (*ей становится не по себе*) . Мне всегда казалось, что ты смеешься надо мной.

Констанс (*добродушно*) . Дорогая моя, не стоит тебе обижаться только из-за того, что я не доставила тебе удовольствия ходить обманутой все эти месяцы.

Мари-Луиза. У меня кружится голова.

Констанс. Жаль такую красивую головку. Почему бы тебе не прилечь? Ты же должна хорошо выглядеть на обеде с Ванкуверсами.

Мари-Луиза. А где, интересно, сейчас Мортимер?

Констанс. Ты помнишь жемчужное ожерелье, которое ты показала мне на днях, сказав, что, по мнению Мортимера оно стоит слишком дорого. Так вот, он поехал в «Картье», чтобы купить его для тебя.

Мари-Луиза (*сразу оживившись*) . О, Констанс, ты думаешь, поехал?

Констанс. Я думаю, что все мужчины с рождения знают, что единственный способ излечить рану, нанесенную ими нежной женской душе – купить у ювелиров дорогое украшение.

Мари-Луиза. И ему хватит ума привезти ожерелье домой, чтобы я смогла надеть его этим вечером?

Констанс. Дорогая моя, только не будь душой и не хватайся за ожерелье. Помни, что Мортимер нанес тебе ужасное оскорбление, прилюдно выдвинул самое страшное обвинение, какое муж может выдвинуть жене, растоптал твою любовь, изничтожил твоё доверие к нему.

Мари-Луиза. Как ты права, Констанс.

Констанс. И уж конечно, не мне учить тебя, что надо делать. Отказывайся говорить с ним, не позволяй произнести и слова в свою защиту. Плачь, чтобы он понял, какое он чудовище, но не очень сильно, чтобы не опухли глаза. Скажи, что уходишь от него, и, рыдая, беги к двери, но не очень быстро, чтобы он успел остановить тебя до того, как ты ее отворишь. Снова и снова повторяй одно и то же, это их выматывает, а если он будет что-то говорить, не обращай внимания, как заведенная, тверди свое. И наконец, когда ты доведешь его до отчаяния, когда голова у него начнет раскалываться, а пот будет литься из каждой поры, когда он прочувствует, что натворил, только тогда пойди ему навстречу, исключительно потому, что не отличаешься злопамятностью и по натуре очень добра, и согласишься принять, не прими, а именно согласишься, это самое жемчужное ожерелье, за которое бедолага только что заплатил десять тысяч фунтов.

Мари-Луиза (*не без самодовольства*) . Двенадцать, дорогая.

Констанс. И не благодари его. Не давай спуска. Пусть он благодарит тебя за услугу, которую ты оказала ему, взяв его подарок. Ты на машине?

Мари-Луиза. Нет, я была в таком состоянии, что приехала на такси.

Констанс. Джон, проводи Мари-Луизу и посади на такси.

Мари-Луиза. Нет, только не Джон. Я не могу. В конце концов, должна же я соблюдать хоть какие-то приличия.

Констанс. Неужели? Ладно, пусть тебя проводит Бернард.

Бернард. Я с удовольствием.

Констанс (*Бернарду*) . Но сразу вернешься, не так ли?

Бернард. Само собой.

Мари-Луиза (*целуя Констанс*) . Для меня это был хороший урок. Я не дура, Констанс. Учеба идет мне на пользу.

Констанс. Надеюсь, теперь ты хотя бы не будешь пренебрегать осторожностью.

(*Мари-Луиза выходит, Бернард Керсал – следом.*)

Джон. Как ты догадалась, что Мари-Луиза сказала мужу? Насчет обеда у нас?

Констанс. Мари-Луиза слишком хитрая женщина, чтобы выдумывать новую ложь, если может сойти старая.

Джон. Получилось бы неловко, если бы Мортимер настоял на допросе Бентли.

Констанс. Я знала, что он не решится. Только джентльмен может без колебания совершить неджентльменский поступок. Мортимер еще не вошел в эту категорию, а потому излишне осторожен.

Марта (*многозначительно*) . Джон, тебе не кажется, что твои пациенты уже заждались тебя?

Джон. И пусть. С каждой минутой они все больше нервничают, поэтому, когда я рекомендую операцию, которая обойдется им в двести пятьдесят фунтов, у них уже нет сил возражать.

Марта (*надув губки*) . Едва ли тебе захочется услышать то, что я собираюсь сказать

Констанс.

Джон. Именно потому, что ты собираешься обрисовать меня самыми черными красками, я с большой неохотой готов пренебречь чувством долга и выслушать все собственными ушами.

Констанс. Последние три месяца она демонстрировала чудеса выдержки, Джон. Я думаю, теперь она имеет полное право выговориться.

Джон. Если она страдает от подавляемых желаний, то пришла не по адресу. Ей надо к психоаналитику.

Марта. Я хочу сказать только одно, Джон, и буду рада, если ты меня выслушаешь. *(Констанс.)* Я не знаю, по каким причинам ты покрываешь эту гнусную женщину. Могу только предположить, что хочешь избежать громкого скандала...

Миссис Калвер *(прерывая)*. Прежде чем ты продолжишь, дорогая моя, позволь мне молвить словечко. *(Констанс.)* Мое дорогое дитя, умоляю тебя не принимать скоропалительных решений. Мы должны все обдумать. А прежде всего выслушать Джона.

Марта. Да что он может сказать?

Констанс *(иронично)*. Действительно, что?

Джон. В свое оправдание – ничего. Я достаточно хорошо знаю семейную жизнь...

Констанс *(прерывая, с улыбкой)*. Других людей – не нашу.

Джон *(продолжая)*. Чтобы понимать, что в такой ситуации не смог бы оправдаться и сам архангел Гавриил.

Констанс. А мне вот представляется, что архангел Гавриил никогда не оказался бы в такой ситуации.

Джон. Я готов принять любые кары, которые ты обрушишь на мою голову.

Констанс *(риторически)*. Ни один мужчина не смог бы найти лучших слов.

Джон. Я ожидаю, что ты учинишь мне разнос, Констанс. Имеешь полное право. Я все вынесу. Устрой мне ад на земле. Я это заслужил. Таскай меня за волосы по всей комнате. Пинай в лицо. Топчи меня. Я буду ползать перед тобой. Буду есть землю. Имя мне – грязь. Грязь.

Констанс. Мой дорогой Джон, из-за чего мне устраивать разнос?

Джон. Я знаю, как ужасно я относился к тебе. У меня была верная, любящая жена, пекущаяся исключительно о моих интересах, идеальная мать, превосходная домоправительница. Женщина, которая в десять раз лучше меня. Если б я обладал хоть малой толикой порядочности, я бы не поступил с тобой подобным образом. Мне нечего сказать в свое оправдание.

Марта *(прерывает его)*. Ты унизил ее перед всеми друзьями и близкими.

Джон. Мое поведение недостойно ни джентльмена, ни просто порядочного человека.

Марта. Твое поведение непростительно.

Джон. Я кругом виноват.

Марта. Даже если ты не любил ее, то мог бы хотя бы уважать.

Джон. Я был бессердечен, как крокодил, и беспринципен, как тифозная бацилла.

Констанс. К сказанному вами мне просто нечего добавить.

Марта. И не надо. Ты совершенно права. Это тот самый случай, когда устраивать разнос – ниже достоинства женщины. Сразу видно, что Джон плохо знает женщин, если думает, что ты можешь унизиться до вульгарных ругательств и тумачков. *(Джону.)* Я полагаю, тебе достанет порядочности не чинить препятствий к обретению Констанс свободы.

Миссис Калвер. О, Констанс, ты же не собираешься с ним разводиться?

Марта. Мама, как ты слаба. Разве она может жить с мужчиной, которого не уважает? Что у нее будет за жизнь, если она может испытывать к нему только недоверие и презрение? А кроме того, подумай об их ребенке. Неужели Констанс позволит дочери и дальше находиться в обществе этого монстра?

Констанс. Джон всегда был прекрасным отцом. Надо отдать ему должное.

Миссис Калвер. Не будь слишком жестока, дорогая. Я понимаю, как горько сейчас у тебя на душе, но будет очень печально, если ты позволишь горечи взять верх над здравым смыслом.

Констанс. Не чувствую я никакой горечи. Наоборот, душа моя сладка, как мед.

Миссис Калвер. Тебе не обмануть мать, дорогая моя. Я чувствую твою злость и

негодование. В столь печальных обстоятельствах это естественно.

Констанс. Заглядывая в свое сердце, я не могу найти и следа негодования. Мое недовольство вызывает разве что глупость Джона, из-за которой все и выплыло на поверхность.

Джон. Позволь мне сказать хоть слово в свою защиту. Я сопротивлялся, сколько мог. Ангелы не протянули бы дальше.

Констанс. Но у ангелов нет вредной привычки курить сигареты.

Джон. Если б они хоть раз попробовали их покурить, но уже не смогли бы отказаться.

Миссис Калвер. Только не будь циничной, дорогая. Это худший способ снять с сердца боль. Приди в объятия матери, дорогая моя, и давай вместе поплачем. Тебе сразу полегчает.

Констанс. Премного тебя благодарна, мама, но я не смогу выжать из себя слезинки, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Миссис Калвер. Не будь так сурова. Разумеется, Джон виноват. Я это признаю. Он вел себя безобразно, безобразно. Но мужчины слабы, а женщины такие бесстыжие. Я уверена, он сожалеет о боли, которую причинил тебе.

Марта. Меня удивляет, что ты ничего не предприняла, как только узнала, что у Джона роман.

Констанс. По правде говоря, я подумала, что это не мое дело.

Марта (негодующе). Разве ты не его жена?

Констанс. Джон и я – счастливики. У нас был идеальный брак.

Марта. Как ты можешь так говорить?

Констанс. Пять лет мы души не чаяли друг в друге. Гораздо дольше, чем большинство семейных пар. Наш медовый месяц растянулся на пять лет, а потом судьба преподнесла нам еще один подарок: влюбленность одновременно покинула нас.

Джон. Я возражаю, Констанс. Я никогда не переставал тебя любить.

Констанс. Я этого и не говорила, дорогой. Я и не сомневалась в твоей любви. И сама не переставала тебя любить. Мы разделяли интересы друг друга, нам нравилось быть вместе, я восторгалась твоими успехами, а ты нежно ухаживал за мной, когда я болела. Мы смеялись над одними шутками, разделяли общие тревоги. Я не знаю второй такой пары, которую связывала бы более крепкая любовь. Но, скажи честно, был ли ты влюблен в меня последние десять лет?

Джон. Нельзя же ожидать от мужчины, который женат пятнадцать лет...

Констанс. Дорогой мой, мне не нужны оправдания. Я жду от тебя простого и ясного ответа.

Джон. По большому счету, твою компанию я предпочитаю всем остальным. Никто не нравится мне больше тебя. Ты – самая красивая женщина из всех, кого я знаю, и то же самое я повторяю, когда тебе исполнится сто лет.

Констанс. Сердце выпрыгивает у тебя из груди, когда ты слышишь мои шаги на лестнице? А когда я вхожу в комнату, у тебя не возникает желания сразу же подхватить меня на свои сильные руки? Что-то я этого не заметила.

Джон. Не хочу же я показаться круглым дураком.

Констанс. Тогда я получила ответ на мой вопрос. Ты более не влюблен в меня, как и я – в тебя.

Джон. Ты никогда об этом не говорила.

Констанс. Я думаю, большинство семейных пар говорят друг другу гораздо больше. Есть некоторые нюансы, которые двое близких людей могут знать очень хорошо, но считают более тактичным делать вид, что они этого не знают.

Джон. Как же ты это выяснила?

Констанс. Я тебе скажу. Однажды мы танцевали и я заметила, что наши движения не столь синхронны, как обычно. А все потому, что я отвлеклась. Обратила внимание на прическу танцевавшей рядом женщины и думала о том, пойдет ли мне такая же. Потом посмотрела на тебя, и увидела, что ты восхищаешься ее ножками. Тут и поняла, что ты больше не влюблен в меня, и облегченно вздохнула, потому что и моя влюбленность канула в лету.

Джон. Должен признать, мне это и в голову не приходило.

Констанс. Я знаю. Для мужчины влюбленность – состояние временное, но у него и в мыслях нет, что женщина может разлюбить его. Не расстраивайся, дорогой, это один из самых

милых недостатков вашего пола.

Марта. Ты даешь понять мне и маме, что после этого у Джона один роман следовал за другим, а ты не пошевелила и пальцем?

Констанс. Поскольку застукали его впервые, давайте не будет сомневаться в том, что раньше он оставался на узкой тропе супружеской верности. Ты не сердишься на меня, Джон?

Джон. Нет, дорогая, не сержусь. Но я несколько огорошен. Я думаю, ты просто смеялась надо мной. Я и представить себе не мог, что твои чувства ко мне так переменились. Конечно же, мне это не нравится.

Констанс. Да перестань, ты же благоразумный человек. Неужто ты хотел, чтобы я потратила все эти годы на безответную пылкую страсть, если в ответ ты мог дать мне лишь дружбу и привязанность? Это же скучно, иметь под боком влюбленную в тебя женщину, которую ты больше не любишь.

Джон. Скука и ты несовместимы, Констанс.

Констанс (*посылает ему воздушный поцелуй*). Неужели ты не понимаешь, как счастливо сложилась у нас жизнь? Мы – любимчики богов. Я никогда не забуду пять лет удивительного счастья, которые ты подарил мне, когда я без памяти любила тебя, и я навсегда сохраню к тебе чувство благодарности, потому что ты не только любил меня, но и разжигал мою любовь. Наша любовь не превратилась в обузу. Она разом потухла и у меня, и у тебя, поэтому мы обошлись без ссор и упреков, взаимных обвинений и прочих атрибутов очень болезненного процесса, когда страсть у одной стороны угасла, а у другой продолжает ярко полыхать. Наша любовь напоминает кроссворд, разгадывая который мы одновременно заполнили последние пустые клеточки. Вот почему и с той поры мы были так счастливы, вот почему нас полагали идеальной парой.

Марта. Ты хочешь сказать, что ничего не почувствовала, когда узнала, что Джон спит с Мари-Луизой?

Констанс. Человеческая природа несовершенна. Должна признать, в первый момент я разозлилась, но только в первый. А потом пришла к выводу, что злиться на Джона неразумно, ибо другая взяла то, что мне совершенно не нужно. Я же не собака на сене. И потом, я питала к Джону самые теплые чувства и конечно же, желала ему счастья. И если он хотел потворствовать своим желаниям и завести кого-то на стороне... я правильно излагаю, Джон?

Джон. Я еще не решил, потворствовал ли я своим желаниям.

Констанс. Так, может, оно и к лучшему, подумала я, если объект его внимания – моя близкая подруга, поскольку я могла по-матерински приглядывать за ним.

Джон. Это уж слишком, Констанс.

Констанс. Мари-Луиза очень хороша собой, поэтому он не обидел меня, обратив свой взор на дурнушку, очень богата, то есть у Джона не было причин тратить на нее деньги, которые я могла бы использовать на домашние нужды. Она недостаточно умна, чтобы подмять его под свой каблучок, и пока его сердце принадлежала мне, я мирилась с тем, что ей доставались его чувства. Если уж ты хотел изменить мне, Джон, и обратился бы ко мне за советом, я бы порекомендовала тебе именно Мари-Луиза. Если бы мне и хотелось, чтобы ты завел себе любовницу, то только ее.

Джон. Как я понимаю, дорогая, не так уж сильно мы тебя и обманули. Ты демонстрируешь такую проницательность, что у меня есть все основания подозревать, что ты видишь меня насквозь.

Миссис Калвер. Я не одобряю твоего отношения, Констанс. В мои дни, если жена узнавала об измене мужа, она начинала рыдать и оставалась у своей матери три недели, не возвращаясь к мужу до тех пор, пока тот окончательно не раскаивался в содеянном и был готов на все, чтобы искупить свой грех.

Марта. Как мы понимаем, разводиться с Джоном ты не собираешься?

Констанс. Знаете, я не понимаю, почему женщина должна бросить уютный дом, отказаться от немалой доли своего дохода и наличия рядом мужчины, на которого можно переложить много малоприятных и утомительных дел, только из-за того, что он ей изменил. Все рано, что отрезать себе нос, чтобы придать пикантность лицу.

Марта. У меня нет слов. Такое я просто не могу себе представить. Чтобы женщина

сидела и наблюдала, как ее превращают в полную дуру!

Констанс. Ты вел себя очень глупо, мой бедный Джон. В обыденной жизни глупость хуже порока. С порочностью еще как-то можно бороться, с глупостью, к сожалению, нет.

Джон. Я был таким дураком, Констанс. Я это знаю, но опыт учит, так что больше этого не повторится.

Констанс. Ты хочешь сказать, что в будущем будешь соблюдать большую осторожность?

Миссис Калвер. О, нет, Констанс, он хочет сказать, что получил суровый урок, и в будущем у тебя не будет повода для жалоб.

Констанс. Я всегда понимала, что мужчины отказываются от своих грехов только с возрастом, когда они становятся обузой и не приносят удовольствия. Джон, как вы сами видите, в самом расцвете. Полагаю, ты дашь себе еще пятнадцать лет, не так ли дорогой?

Джон. Послушай, Констанс, что-то я тебя не понимаю. Иной раз ты твои слова просто раздражают.

Констанс. Я думаю, что в любом случае Мари-Луизе найдется не одна замена.

Джон. Констанс, даю тебе слово чести...

Констанс. Это единственный твой подарок, которому я не найду применения. Видишь ли, пока я могла изображать блаженное неведение о твоих похождениях, мы могли быть счастливы. Но теперь ситуация изменилась к худшему. Ты поставил меня в крайне щекотливое положение.

Джон. Я очень сожалею об этом, Констанс.

Марта. Ты намерена уйти от него?

Констанс. Нет, не намерена. Джон, ты помнишь, что Барбара предложила мне работу. Я отказалась. Так вот, теперь я передумала и собираюсь принять ее предложение.

Джон. Но почему? Не понимаю, в чем смысл?

Констанс. Я более не хочу полностью зависеть от тебя, Джон.

Джон. Но, дорогая моя, все, что я зарабатываю, в полном твоём распоряжении. Для меня в радость обеспечивать тебя всем необходимым. Господь знает, твои потребности не так уж и велики.

Констанс. Согласна с тобой. Признай, Джон, до сих пор я вела себя благоразумно, не так ли? И теперь не пытайся идти наперекор моим желаниям.

(Короткая пауза.)

Джон. Я не понимаю, зачем тебе это надо. Но, если ты так ставишь вопрос, не скажу ни слова. Разумеется, ты в праве делать все, что пожелаешь.

Констанс. Вот и славненько. А теперь иди к своим пациентам, иначе мне придется содержать не только себя, но и тебя.

Джон. Можно я тебя поцелую?

Констанс. Почему нет?

Джон *(целует ее)*. Так у нас мир?

Констанс. Мир и полное взаимопонимание. *(Джон уходит.)* Он очень мил, не так ли?

Миссис Калвер. Что ты задумала, Констанс?

Констанс. Я, мама? *(Подтрунивает над ней.)* А что ты заподозрила?

Миссис Калвер. Не нравится мне твой взгляд.

Констанс. Жаль. Многие от него тают.

Миссис Калвер. Ты замыслила какую-то гадость, но я не могу понять, какую именно.

Марта. Ума не приложу, что может дать тебе работа у Барбары.

Констанс. От тысячи до полутора тысяч фунтов в год.

Марта. Я говорю не о деньгах, и ты это знаешь.

Констанс. Надоело мне быть современной женой.

Марта. Что ты подразумеваешь под современной женой?

Констанс. Проститутку, которая берет деньги, но не дает.

Миссис Калвер. Дорогая моя, что бы сказал твой отец, если бы услышал тебя.

Констанс. Дорогая, следует ли нам гадать, что сказал бы джентльмен, который умер двадцать пять лет тому назад? Он отличался остроумием?

Миссис Калвер. Нет, конечно. Человеком он был хорошим, но глупым. Поэтому боги любили его и он умер молодым.

(Бернард Керсал открывает дверь, заглядывает в гостиную.)

Бернард. Можно войти?

Констанс. Ну наконец-то. А я уж гадала, куда ты запропастился.

Бернард. Увидев мой автомобиль, Мари-Луиза попросила подвезти ее. Я не знал, как отказаться.

Констанс. Значит, ты отвез ее домой?

Бернард. Нет, она сказала, что ей необходимо вымыть волосы. Я отвез ее в салон на Бонд-стрит.

Констанс. И что потом?

Бернард. Она сказала: «Я и не знаю, что вы обо мне подумали».

Констанс. Эти слова большинство женщин говорит мужчине, мнение которого их совершенно не интересует. Что ты ответил?

Бернард. Ну, я сказал, что предпочитаю не высказываться по вопросам, которые не имеют ко мне ни малейшего отношения.

Констанс. Дорогой Бернард, что мне больше всего в тебе нравится, так это умение не выходить из роли. Даже если рухнут небеса, ты останешься идеальным английским джентльменом.

Бернард. Я подумал, что это самый тактичный ответ.

Констанс. Что ж, мама, не смею тебя больше задерживать. Я знаю, что у вас с Мартой тысячи дел.

Миссис Калвер. Спасибо, что напомнила. Пошли, Марта. До свидания, дорогая. До свидания, мистер Керсал.

Бернард. До свидания.

Констанс (Марте). До свидания, дорогая. Спасибо за сочувствие. Ты очень помогла мне в час беды.

Марта. Я тебя не понимаю, и нет смысла утверждать обратное.

Констанс. Удачи вам. *(Миссис Калвер и Марта уходят, Бернард закрывает за ними дверь.)* Мы сильно опаздываем?

Бернард. Так сильно, что еще несколько минут нас не спасут. Я должен сказать тебе что-то очень важное.

Констанс (подтрунивает над ним). Важное для меня или для тебя?

Бернард. Ты и представить себе не можешь, как огорчила меня эта ужасная сцена.

Констанс. И ты не думаешь, что у нее есть и светлая сторона?

Бернард. Только сегодня я узнал правду, но понятия не имел, что ты давно уже в курсе. Ты – очень мужественная женщина, если столько времени скрывала улыбкой такую муку. Если раньше я просто восхищался тобой, то теперь восхищаюсь в десять раз больше.

Констанс. Ты такой милый, Бернард.

Бернард. Сердце у меня обливается кровью, когда я думаю о том, что тебе пришлось пережить.

Констанс. Не стоит принимать близко к сердцу несчастья других людей.

Бернард. Не прошло и часа, как я сказал тебе, что, будь на то твое желание, я готов сделать для тебя, что угодно. Я не думал, что это время наступит так скоро. Теперь мне нет нужды скрывать от тебя любовь, которая переполняет меня. О, Констанс, приди ко мне. Ты знаешь, если бы я продолжал верить, что вы с Джоном живете душа в душу, то ни сказал бы ни слова. Он не любит тебя. Так чего тебе жить с человеком, который способен подвергнуть тебя такому унижению? Ты знаешь, как долго и преданно я тебя любил. Мне ты можешь довериться. Я отдам жизнь, чтобы помочь тебе забыть о душевной боли, которую тебе пришлось вынести. Ты выйдешь за меня замуж, Констанс?

Констанс. Мой дорогой, Джон, конечно, вел себя скверно, но он по-прежнему мой муж.

Бернард. Только номинально. Ты сделала все, что в твоих силах, чтобы избежать скандала, и теперь, если попросишь о разводе, он не сможет отказать.

Констанс. Ты действительно думаешь, что Джон вел себя очень скверно?

Бернард (*изумленно*). Уж не хочешь ли ты мне сказать, что у тебя остались какие-то сомнения насчет его взаимоотношений с Мари-Луизой?

Констанс. Никаких.

Бернард. Тогда, во имя Господа, о чем ты?

Констанс. Мой дорогой Бернард, ты когда-нибудь задумывался, а что есть бракосочетание богатых людей? С рабочим классом все понятно. Женщина готовит еду, стирает и штопает носки. Приглядывает за детьми и шьет им одежду. Она отрабатывает те деньги, которых стоит. Но возьми жену из нашего круга. Домашнее хозяйство ведут слуги, няньки ухаживают за детьми, если она соблаговолит родить, при первой возможности их отправляют в частную школу-интернат. Давай смотреть правде в глаза, она – любовница мужчины, умело воспользовавшаяся его желанием обладать ею. Сыграв на этом желании, она привела мужчину под венец, чтобы он не расстался с ней, как только оно угаснет.

Бернард. Она также его компаньонка и спутница жизни.

Констанс. Мой дорогой, любой здравомыслящий мужчина предпочтет играть в бридж в клубе, а не с женой, в гольф – с мужчиной, а не с женщиной. Наемный секретарь будет куда лучшим помощником, чем любящая половина. Если взглянуть в самую суть, современная жена – не более чем паразит.

Бернард. Я с тобой не согласен.

Констанс. Видишь ли, мой бедный друг, ты любишь меня, а потому не способен на объективность.

Бернард. Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

Констанс. Джон дает мне стол и кров, деньги на одежду и развлечения, автомобиль, чтобы ездить, положение в обществе. У него нет другого выхода, потому что пятнадцать лет тому назад он безумно влюбился в меня и согласился на такие условия. Хотя, если ты спросишь его, он, конечно, признает, что нет более мимолетной формы безумия, чем любовь. Этот его поступок говорит то ли о его щедрости, то ли об опрометчивости. Так не думаешь ли ты, что я поступаю бесчестно, пользуясь его щедростью или неумением предвидеть последствия?

Бернард. В каком смысле?

Констанс. Он заплатил очень высокую цену за то, что не мог получишь дешевле. Больше ему это не нужно. Так почему я должна негодовать? Я знаю не хуже других, что желание угасает. Оно приходит и уходит, и ни один человек не знает, почему. Уверенность есть только в одном: если оно ушло, то навсегда. Поэтому, пока Джон продолжает обеспечивать меня всем необходимым, какое я имею право жаловаться на то, что он мне неверен? Он купил игрушку, но, если он больше не хочет играть с ней, почему нет? Он же за нее заплатил.

Бернард. Все это справедливо, если мужчина думает только о себе. А как же женщина?

Констанс. Я не считаю, что ей нужно сочувствовать. Как девяносто девять девушек из ста, я выходила замуж лишь потому, что искала наиболее легкий, честный и выгодный способ существования. Когда женщина, прожившая замужем пятнадцать лет узнает о том, что муж ей изменяет, страдает не ее сердце, а тщеславие. Если же ей не чужд здравый смысл, она должна понять, что речь идет всего лишь о неизбежном зле, свойственном этой в целом очень приятной профессии.

Бернард. Тем самым ты хочешь сказать, что не любишь меня.

Констанс. Ты думаешь, что мои принципы – пустая болтовня?

Бернард. Я не думаю, что ты принимала бы их всерьез, если бы любила меня так, как люблю тебя я. Ты все еще влюблена в Джона?

Констанс. Он мне очень дорог, он умеет меня рассмешить, мы отлично ладим, но я более не влюблена в него.

Бернард. Тебе этого достаточно? Не слишком ли пресное ждет тебя будущее? Неужели тебя не нужна любовь?

(Пауза. Констанс раздумчиво смотрит на него.)

Констанс *(обаятельно)* . Если бы мне понадобилась любовь, я бы пришла к тебе, Бернард.

Бернард. Констанс, ты серьезно? Неужели я тебе небезразличен? О, дорогая моя, я готов целовать землю, по которой ты ходишь!

(Заключает ее в объятия и страстно целует.)

Констанс *(высвобождаясь)* . Дорогой мой, не так сразу. Я бы презирала себя, если б изменила Джону, когда он поит и кормит меня.

Бернард. А если ты меня любишь?

Констанс. Я не говорила, что люблю. Но, даже если бы и любила, пока Джон обеспечивает меня всем необходимым, я буду хранить ему верность. Все дело в экономике. Он купил мою верность, и я поставлю себя ниже проститутки, если возьму деньги, которые он заплатил, а принадлежащим ему товаром буду распоряжаться по своему усмотрению.

Бернард. Но надежда у меня есть?

Констанс. Сейчас ты можешь надеяться лишь на то, что мы выедем в Рейнлаф до того, как закончится игра.

Бернард. Ты все-таки хочешь поехать?

Констанс. Да.

Бернард. Очень хорошо *(со всей страстью)* . Я тебя люблю.

Констанс. Тогда спустись вниз и заводи мотор. Залей масла в радиатор, в общем, сделай все необходимое, а я подойду через минуту. Мне надо позвонить.

Бернард. Очень хорошо.

(Он уходит. Констанс снимает телефонную трубку.)

Констанс. Мэйфлауэр 2646... Барбара? Это Констанс. Предложение, которое ты сделала мне полмесяца тому назад... оно еще в силе? Что ж, я готова его принять... Нет, нет, ничего не случилось. Джон в полном здравии. Как всегда, очень мил, ты знаешь. Дело в том, что я хочу сама зарабатывать на жизнь. Когда я могу начать? Чем раньше, тем лучше.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Место действия: прежнее.

Прошел год. Вторая половина дня. Констанс сидит за столом, пишет письма. Дворецкий объявляет о приходе Барбары Фосетт и Марты.

Бентли. Миссис Фосетт и мисс Калвер.

Констанс. О! Присядьте. Я сейчас.

Барбара. Мы встретились на пороге.

Марта. Я решила заглянуть к тебе напоследок. Вдруг тебе надо чем-нибудь помочь.

Констанс. Как мило с твоей стороны, Марта. Но, пожалуй, помощь мне не нужна. Я готова, все вещи собраны. Впервые я уверена в том, что ничего не забыла.

Барбара. А я посчитала нужным забежать и попрощаться.

Констанс. Дорогая моя, нельзя начинать манкировать работой, как только за мной закрылась дверь.

Барбара. Собственно, я и по делу. Утром ко мне поступил заказ на дом, и им хочется итальянскую комнату.

Констанс. Не нравится мне твой взгляд, Барбара.

Барбара. Я вот подумала, раз уж ты все равно едешь в Италию, почему бы тебе не заглянуть в магазины и не купить то, что приглянется.

Констанс. Даже не мечтай. Целый год я пахала, как вол, и вчера вечером, в шесть часов, отложила инструменты, сняла грязный комбинезон, вытерла пот со лба, оттерла заскорузлые руки. Ты сказала, что я могу взять шесть недель отпуска.

Барбара. Признаю, ты его честно заработала.

Констанс. Закрыв за собой дверь, я вышла из образа трудолюбивого английского рабочего и вновь превратилась в идеальную английскую даму.

Марта. Никогда не видела тебя в таком прекрасном настроении.

Констанс. Я чего-то добилась, что-то сделала. И дала себе зарок: следующие шесть недель никаких мыслей о ваннах комнатах и обоях, кухонных раковинах, мраморных полах, портьерах, мебельной обивке, холодильниках.

Барбара. Я тебя и не прошу. Просто хотела, чтобы ты привезла крашеную итальянскую мебель и несколько зеркал.

Констанс. Нет, я трудилась с полной отдачей и получала удовольствие от того, чем занималась. А теперь я намерена насладиться отдыхом.

Барбара. Как скажешь.

Марта. Констанс, дорогая, я думаю, что должна тебе кое-что сказать.

Констанс. Я-то думала, ты уже уяснила для себя: обычно то, что ты должна мне сказать, не составляет для меня тайны.

Марта. Ты и представить себе не можешь, кого я видела сегодня на Бонд-стрит.

Констанс. Могу. Мари-Луизу.

Марта. Однако!

Констанс. Жаль, что должна разочаровать тебя, дорогая. Она позвонила мне час тому назад.

Марта. Но я думала, что ее не будет еще месяц. Она же собиралась уехать на год.

Констанс. Она прибыла вчера вечером и с минуты на минуту будет здесь.

Марта. Здесь?

Констанс. Да. Сказала, что должна забежать и повидаться со мной до моего отъезда.

Марта. Интересно, что ей нужно.

Констанс. Может, хочет скоротать время. Я думаю, это так мило с ее стороны, учитывая, что она только что вернулась и у нее, естественно, масса дел.

Барбара. Она объездила весь мир, не так ли?

Констанс. Да, побывала в Малайзии, у Мортимера там деловые интересы, в Китае, а в Англию они отплыли из Индии.

Марта. Я не раз задавалась вопросом, не ты ли предложила им отправиться в длительное путешествие после той безобразной сцены?

Констанс. Которая, уж признайся, доставила тебе безмерное наслаждение, дорогая.

Барбара. Они, безусловно, поступили правильно.

Марта. Разумеется, это твое дело, дорогая, но благоразумно ли уезжать на шесть недель в тот самый момент, когда она появилась в городе?

Констанс. Мы, трудящиеся женщины, вынуждены брать отпуск лишь когда нам его дают.

Барбара. Джон, конечно же, получил хороший урок. И не будет второй раз наступать на те же грабли.

Марта. Ты думаешь, он более не влюблен в Мари-Луизу?

Констанс. Понятия не имею. Но вот и Джон, тебе лучше спросить у него.

(При этих словах в гостиную входит Джон.)

Джон. Спросить о чем?

Марта *(не растерявшись)*. Я вот гадаю, чем ты займешь себя, пока Констанс будет в отъезде.

Джон. У меня много работы, знаешь ли, и я буду чаще бывать в клубе.

Марта. Жаль, что ты не смог освободиться. Тебе и Констанс надо бы уходить в отпуск вместе.

Барбара. За мной вины нет. Я отпускала Констанс в любое, удобное ей время.

Констанс. Видишь ли, я хотела поехать в Италию, а Джон на континенте предпочитает лишь места, где требуется приложить немало усилий, чтобы понять, чем они отличаются от Англии.

Марта. А как же Элен?

Констанс. На август мы сняли дом в Хенли. Джон сможет играть в гольф и ходить на реку, а я каждый день смогу ездить в город, чтобы работа не страдала.

Барбара. Дорогая моя, с твоего разрешения, побегу. Надеюсь, ты прекрасно отдохнешь. Ты это заслужила. Знаешь, Джон, я, должно быть, очень умная женщина, раз убедила Констанс поработать у меня. Ей просто цены нет.

Джон. Мне никогда не нравилась эта идея, и теперь я остаюсь при своем мнении.

Барбара. Так ты никак не можешь меня простить?

Джон. Она настаивала, а мне не оставалось ничего другого, как помалкивать.

Барбара. До свидания.

Констанс *(целует ее)*. До свидания, дорогая. Не перетруждайся.

Марта. Я пойду с тобой, Барбара. Мама сказала, что забежит на минутку, чтобы попрощаться.

Констанс. Очень хорошо. До свидания.

(Она целует обеих женщин, провожает до двери. Они уходят.)

Джон. Констанс, я понял, ты берешь отпуск сейчас, потому что у Барбары неотложные дела.

Констанс. Я такое говорила?

Джон. Конечно.

Констанс. Не помню.

Джон. Если бы я знал, что ты не связана жесткими сроками, то конечно же смог подстроиться с отпуском под тебя...

Констанс *(прерывает его)*. А у тебя не возникало мысли, что мужу и жене не следует брать отпуск одновременно? Смысл отпуска – отдохнуть, сменить обстановку, набраться новых впечатлений. Ты думаешь, мужчина может все это получить, если едет в отпуск с женой?

Джон. Все зависит от жены.

Констанс. По мне нет более тоскливого зрелища, чем вид этих пар в ресторане отеля. Каждая за отдельным столиком, муж напротив жены, а сказать-то им друг другу нечего.

Джон. Чепуха. Многие пары веселые и счастливые.

Констанс. Да, конечно, но, приглядевшись к обручальному кольцу женщины, понимаешь, что оно появилось на руке скорее недавно, чем давно.

Джон. Мы всегда ладили, а когда я надевал обручальное кольцо на твой пальчик, за этим процессом следил священник. Ты же не собираешься сказать мне, что ты со мной скучала.

Констанс. Наоборот, ты всегда смешил меня до колик в животе. Все дело в моей скромности: я боялась, что мое общество тебе приелось. И подумала, что несколько недель разлуки только пойдут тебе на пользу.

Джон. Ты все шутишь.

Констанс. Так или иначе, уже поздно что-либо менять. Чемоданы упакованы, я со всеми попрощалась, а у людей, знаешь ли, остается неприятный осадок, если они увидят тебя на следующий день, тогда как рассчитывали не встречаться с тобой полтора месяца.

Джон. Да... пожалуй... Послушай, Констанс, я хочу тебя кое о чем попросить.

Констанс. Да?

Джон. Ты знаешь, что Мари-Луиза вернулась?

Констанс. Да. Она пообещала забежать ко мне до моего отъезда. Я с удовольствием повидаюсь с ней.

Джон. Тогда у меня к тебе просьба.

Констанс. Какая?

Джон. Ты меня крепко выручила, прикрыла, я не могу бесконечно пользоваться твоей

добротой, поэтому хочу отплатить тебе тем же.

Констанс. Что-то я тебя не понимаю.

Джон. Я не видел Мари-Луизу с того дня, как Мортимер приходил сюда и, как говорится, сел в лужу. Она отсутствовала почти год и, учитывая сложившиеся обстоятельства, я убежден, что нам не следует возобновлять прежние отношения.

Констанс. А с чего ты взял, что у нее может возникнуть такое желание?

Джон. Ее звонок тебе по приезду представляется мне зловещим.

Констанс. Зловещим? Некоторые женщины, увидев телефонный аппарат, просто не могут не схватить трубку, а услышав голос телефонистки: «Номер, пожалуйста», должны что-то ответить. Смею предположить, наш номер Мари-Луиза вспомнила первым.

Джон. Нет смысла отрицать, что Мари-Луиза была безумно в меня влюблена.

Констанс. Наверное, ни один из нас не может ее за это винить.

Джон. Я не хочу показаться бессердечным, но, так уж случилось, что обстоятельства оборвали наши отношения, и я бы хотел думать, что навсегда.

Констанс. Ты волен действовать в полном соответствии со своими желаниями.

Джон. Я думаю не о себе, Констанс. Я думаю, в какой-то мере, о благе Мари-Луизы, но главным образом, признаюсь, о тебе. Я никогда не смогу взглянуть тебе в глаза, если в наших отношениях с Мари-Луизой не будет поставлена жирная точка.

Констанс. Мне больно думать, что ты лишишься такого невинного и недорогого удовольствия.

Джон. Разумеется, это болезненное решение, но, раз оно принято, я полагаю, что действовать надо быстро.

Констанс. Полностью с тобой согласна. И вот что я сделаю. Как только Мари-Луиза появится здесь, я под каким-то предлогом уйду и оставлю вас наедине.

Джон. Я-то думал как раз о другом.

Констанс. О чем же?

Джон. Женщина справится с этим делом гораздо лучше мужчины. Вот я и подумал, а почему бы тебе не объяснить ей, что к чему?

Констанс. Мне?

Джон. Мне это будет несколько неловко, а вот тебе – вполне естественно. Речь, мол, идет о самоуважении, а потому, ты ставишь вопрос ребром: или она близко не подходит ко мне, или ты устраиваешь грандиозный скандал.

Констанс. Но ты же знаешь, какое у меня мягкое сердце. Если она разрыдается, если скажет, что жить без тебя не может, во мне, конечно же, проснется жалость и я скажу: «Черт с тобой, оставь его себе».

Джон. Ты не подложишь мне такую свинью, Констанс.

Констанс. Ты же знаешь, что твое счастье для меня превыше всего.

Джон (после короткой паузы). Констанс, я буду с тобой предельно откровенен. Мари-Луизой я сыт по горло.

Констанс. Дорогой, почему сразу этого не сказать?

Джон. Ты же понимаешь, Констанс, как-то не принято говорить такое женщине.

Констанс. Признаю, ей, безусловно, не понравится.

Джон. Женщины – забавные существа. Если ты им надоел, они говорят об этом сразу, без малейшего колебания, и твоя реакция их нисколько не волнует. А вот если мужчина устает от женщины, он в мгновение ока превращается в негодяя и чудовище, и купание в чане кипящего масла для него слишком легкое наказание.

Констанс. Хорошо, оставь это на меня. Я все сделаю.

Джон. Ты прелесть. Но ты постарайся обойтись с ней мягче, не так ли? Я бы не хотел обидеть ее. Она такая милая, Констанс.

Констанс. Полностью с тобой согласна.

Джон. Для нее это будет жестокий удар.

Констанс. Боюсь, она нескоро придет в себя.

Джон. Дай ей понять, что мне тоже придется нелегко. Я не хочу, чтобы она плохо обо мне думала.

Констанс. Разумеется.

Джон. Но стой на том, что разрыв окончательный.

Констанс. Все будет, как ты хочешь.

Джон. Что бы я без тебя делал, Констанс. Клянусь Богом, мужчина не может мечтать о лучшей жене.

(Дворецкий объявляет о приходе Мари-Луизы.)

Бентли. Миссис Дархэм.

(Женщины тепло обнимаются, целуются.)

Мари-Луиза. Дорогая, как я рада вновь тебя видеть. Это чудесно, чудесно.

Констанс. Дорогая, ты прекрасно выглядишь. Это твое новое жемчужное ожерелье?

Мари-Луиза. Прелесть, не правда ли? Но в Индии Мортимер купил мне совершенно божественные изумруды. О, Джон, как поживаешь?

Джон. Все в порядке, благодарю.

Мари-Луиза. Уж не поправился ли ты с нашей последней встречи?

Джон. Ни в коем разе.

Мари-Луиза. А я вот похудела (*Констанс*) . Я страшно рада, что застала тебя. И очень горевала бы, если б опоздала (*Джону*) . Куда вы едете?

Джон. Никуда. Констанс едет одна.

Мари-Луиза. Ну, разумеется. Ты же всегда занят, не так ли?

Джон. До свидания.

Мари-Луиза. Надеюсь, мы как-нибудь повидаемся, пока Констанс будет в отъезде.

Джон. Большое тебе спасибо.

Мари-Луиза. Мортимер теперь играет в гольф куда как лучше. Он с удовольствием сразится с тобой.

Джон. Да, конечно. Я тоже.

(Он уходит.)

Мари-Луиза. Я так надеялась застать тебя одну. Констанс, мне надо столько тебе сказать. Джон такой тактичный. Сразу ушел. Начну с того, что все устроилось наилучшим образом. Ты оказалась совершенно права. Я так рада, что последовала твоему совету и заставила Мортимера увезти меня чуть ли не на год.

Констанс. Мортимер же не дурак.

Мари-Луиза. Да, для мужчины он достаточно умен. Я, конечно, устроила ему ад на земле, за то, что он заподозрил меня, знаешь ли, и в конце концов он стал просто шелковым. Но я видела, что полной уверенности во мне у него нет. Ты знаешь, какие они, эти мужчины. Если вобьют себе в голову какую-то идею, чертовски трудно заставить их выкинуть ее из головы. Но путешествие сработало. Я вела себя, как ангел, он заработал кучу денег. Так что теперь смотрит и на меня, и на мир сквозь розовые очки.

Констанс. Я очень рада.

Мари-Луиза. Я перед тобой в огромном долгу, Констанс. Я заставила Мортимера купить тебе на Цейлоне просто божественный сапфир. Сказала ему, что он должен хоть как-то искупить нанесенное тебе оскорбление. Он стоил сто двадцать фунтов, дорогая, и мы отвезем его в «Картье», чтобы ему сделали достойную оправу.

Констанс. Потрясающе.

Мари-Луиза. Не думай, что я неблагодарна. И еще, Констанс, я хочу сразу сказать тебе, что обо мне и Джоне ты можешь не тревожиться.

Констанс. Я никогда не тревожилась.

Мари-Луиза. Я знаю, что вела себя, как маленькая дрянь, но никогда не думала, что ты все узнаешь. Если б могла такое предложить, то никогда бы, ты же меня достаточно хорошо

знаешь, и близко к нему не подошла.

Констанс. Как ты добра.

Мари-Луиза. Я хочу, чтобы ты оказала мне еще одну услугу, Констанс. Не откажешь?

Констанс. Всегда рада выручить подругу.

Мари-Луиза. Ты же знаешь, какой у нас Джон. Он – душа и все такое, но раз все кончено, он должен сразу это понять.

Констанс. Кончено?

Мари-Луиза. Разумеется, я знаю, что он по-прежнему по уши влюблен в меня. Я увидела это, едва вошла в комнату. Но его вины в этом нет, не так ли?

Констанс. Ты завораживаешь мужчин.

Мари-Луиза. В этом мире иногда надо подумать и о себе. Должен же он понимать, что наши отношения не могут быть прежними после того, как ты все узнала.

Констанс. Я старалась не выдать себя, как только могла.

Мари-Луиза. А в итоге получилось, что ты все время хихикала над нами. Так что от романтики не осталось и следа. Ты понимаешь.

Констанс. Смутно.

Мари-Луиза. Знаешь, мне очень не хочется обижать Джона, но и тянуть кота за хвост нет никакого желания, вот я и хочу, чтобы все закончилось раз и навсегда до твоего отъезда.

Констанс. Это так неожиданно. Боюсь, Джон будет в шоке.

Мари-Луиза. Я приняла окончательное решение.

Констанс. Времени для долгой и трогательной сцены, конечно же, нет, но я все-таки посмотрю, дома ли Джон. Ты уложишься в десять минут?

Мари-Луиза. Но я не могу! Я хочу, чтобы ты сказала ему.

Констанс. Я?!

Мари-Луиза. Ты так хорошо его знаешь, ты сможешь найти правильные слова. Как-то нехорошо, знаешь ли, говорить мужчине, который тебя обожает, что он тебе совершенно безразличен. Ему будет гораздо легче, если он узнает об этом от третьей стороны.

Констанс. Ты действительно так думаешь?

Мари-Луиза. Я в этом уверена. Можешь сказать ему, что отныне мы с ним можем быть только друзьями. Ты так благородно поступила с нами, и будет ужасно, если мы вновь злоупотребим твоим доверием. Скажи ему, что я всегда буду с нежностью вспоминать его, что он – единственный мужчина, которого я искренне любила, но теперь мы должны расстаться.

Констанс. А если он будет настаивать на встрече с тобой?

Мари-Луиза. Нет смысла, Констанс, я не хочу его видеть. Я расплачусь, у меня опухнут глаза. Сделай это за меня, дорогая. Пожалуйста.

Констанс. Хорошо.

Мари-Луиза. В Париже я купила потрясающее вечернее платье из светло-зеленого атласа, которое тебе очень пойдет. Не будешь возражать, если я его тебе отдам? Я надевала его только раз.

Констанс. А теперь назови мне истинную причину, по которой ты решила сразу же порвать с Джоном.

(Глаза Мари-Луизы широко раскрываются, она хихикает.)

Мари-Луиза. Поклянись, что никому не скажешь.

Констанс. Клянусь честью.

Мари-Луиза. Видишь ли, дорогая, в Индии мы встретили потрясающего молодого человека. Адьютанта одного из губернаторов. Он вернулся домой на одном с нами пароходе. И просто обожает меня.

Констанс. А ты, естественно, обожаешь его.

Мари-Луиза. Я от него без ума. Даже не знаю, что будет.

Констанс. Думаю, мы обе можем догадаться.

Мари-Луиза. Такой темперамент, как у меня, это кошмар. Разумеется, тебе не понять, ты холодная.

Констанс (очень спокойно) . А ты – бесстыжая маленькая сучка, Мари-Луиза.

Мари-Луиза . О, нет. Романы у меня случаются, но я не сплю со всеми подряд.

Констанс . Я бы уважала тебя больше, будь ты честной проституткой. Она, по крайней мере занимается этим, чтобы заработать на хлеб и масло. Ты же получаешь все от своего мужа, но не даешь ему того, за что он платит. И по моему разумению, ты – вульгарная воровка.

Мари-Луиза (удивленно, с обидой) . Констанс, как ты можешь так говорить со мной? Это жестоко. Я думала, что ты меня любишь.

Мари-Луиза . Люблю. Я полагаю тебя лгуньей, пустышкой и паразитом, но люблю.

Мари-Луиза . Неужели ты действительно видишь меня такой?

Констанс . Да. При этом у тебя легкий характер, ты щедра, а иногда забавна. И плюсы скорее перевешивают минусы, поэтому ты мне и не противна.

Мари-Луиза (улыбаясь) . Я не верю, что ты говоришь серьезно. Ты же знаешь, у меня нет более близкой подруги.

Констанс . Я принимаю людей, какими они есть и, готова спорить, что через двадцать лет ты станешь образцом добродетельности.

Мари-Луиза . Дорогая, я сразу поняла, что ты решила подшутить надо мной.

Констанс . А теперь беги, дорогая, а я сообщу Джону эту ужасную весть.

Мари-Луиза . До свидания, и будь с ним по-мягче. Мы должны щадить его чувства. (Она поворачивается, чтобы уйти, у двери останавливается, смотрит на Констанс.) Разумеется, я часто думала, а почему с твоей внешностью ты не пользуешься успехом у мужчин. Теперь я знаю.

Констанс . Скажи мне.

Мари-Луиза . Видишь ли... ты юмористка, а мужчин это останавливает.

(Она уходит. Мгновение спустя осторожно открывается дверь и Джон всовывается в комнату.)

Джон . Она ушла?

Констанс . Заходи. Путь свободен и все в полном ажуре.

Джон (входит в гостиную) . Я слышал, как хлопнула дверь. Ты ей сказала?

Констанс . Да.

Джон . Она расстроилась?

Констанс . Разумеется, для нее это был шок, но она выдержала удар.

Джон . Она расплакалась?

Констанс . Нет. Не совсем. По правде говоря, я думаю, мои слова просто оглушили ее. Но я не сомневаюсь, что она разрыдается, когда придет домой и осознает всю глубину потери.

Джон . Плачущая женщина – это ужасно.

Констанс . Смотреть на нее – одно расстройство. Но слезы приносят облегчение, знаешь ли.

Джон . Мне кажется, ты слишком уж хладнокровна, Констанс. Вот мне как-то не по себе. Не хочется думать, что я причинил ей боль.

Констанс . Я уверена, она поймет, что ты сделал это ради меня. Она знает, что ты по-прежнему питаешь к ней самые теплые чувства.

Джон . Но ты оставила ей даже искорки надежды, не так ли?

Констанс . Можешь не сомневаться.

Джон . В любом случае, а рад, что ты едешь в отпуск с легкой душой. Между прочим, деньги тебе не нужны? Я тотчас же выпишу чек.

Констанс . Нет, благодарю. Денег у меня предостаточно. За год я заработала тысячу четыреста фунтов.

Джон . Однако! Это внушительная сумма.

Констанс . Двести я беру с собой. Еще двести потратила на одежду и всякие мелочи, а оставшуюся тысячу этим утром перевела на твой счет, оплатив стол и кров за последние двенадцать месяцев.

Джон . Вот это ты зря, дорогая. Я не хочу об этом слышать. Не хочу, чтобы ты платила за

стол и кров.

Констанс. Я настаиваю.

Джон. Ты больше меня не любишь?

Констанс. Причем тут это? А, ты думаешь, женщина может любить мужчину лишь при условии, что он ее содержит. Не слишком ли низко ты ценишь собственную привлекательность? А как же твое обаяние и чувство юмора?

Джон. Это же абсурд, Констанс. Я могу обеспечивать тебя всем необходимым. Предлагать мне тысячу фунтов за стол и кров оскорбительно.

Констанс. Ты не думаешь, что это оскорбление ты как раз можешь и проглотить? Тысяча фунтов может много чего купить.

Джон. Я не собираюсь их брать. Твое желание идти работать мне никогда не нравилось. Я думал, тебе хватает дел с домашним хозяйством.

Констанс. С тех пор, как я пошла работать, ты начал испытывать какие-то неудобства?

Джон. Скорее нет, чем да.

Констанс. Поверь мне, только те женщины, которые ничего не имеют, жалуются, что домашнее хозяйство отнимает у них все время и силы. Если ты знаешь, чего хочешь, и имеешь опытных слуг, все можно сделать ровно за десять минут.

Джон. Так или иначе, ты хотела работать и я уступил. Я думал, что ты нашла себя приятное времяпрепровождение, но уж конечно не собирался извлекать из этого прибыль.

Констанс. Знаю, не собирался.

Джон. Констанс, меня не покидает мысль, что твоя решимость в отношении работы как-то связана с Мари-Луизой.

(Пауза. Потом голос Констанс становится очень серьезным.)

Констанс. Тебя не удивляло, почему я не упрекала тебя романом с Мари-Луизой?

Джон. Удивляло. Причину я мог найти только в твоей ни с кем ни сравнимой доброте.

Констанс. Ты ошибался. Я не считала себя в праве упрекать тебя.

Джон. Но почему, Констанс? Ты имела полное право. Мы вели себя, как две свиньи. Я, возможно, грязный пес, но, слава Богу, знаю, что я – грязный пес.

Констанс. Твое желание ко мне остыло. Как я могла тебя в этом винить? Если ты меня не желал, какая тебе от меня была польза? Ты же видишь, как мало внимания я уделяю хорошо налаженному домашнему хозяйству.

Джон. Но ты же мать моего ребенка.

Констанс. Давай не преувеличивать важность этого аспекта, Джон. Я выполнила естественную функцию моего пола. А после его рождения присматривали за ним другие, лучше знающие это утомительное дело люди. Давай уж честно признаем, в твоём доме я была паразитом. Чтобы не потерять меня, ты официально согласился взять на себя определенные обязательства, и я испытывала к тебе безмерную благодарность, ибо ты ни словом, ни делом не показывал, что я не более чем дорогой, а иногда и мешающий элемент интерьера.

Джон. Я никогда не считал, что ты мне мешала. И я не понимаю, почему ты называешь себя паразитом. Разве я когда-нибудь ворчал по поводу хоть одного потраченного на тебя пенса?

Констанс *(насмешливо)*. То есть я считала, что у тебя прекрасные манеры, а на поверку выходит, что ты глуповат? Неужели ты такой же дурак, как среднестатистический мужчина, который мгновенно клюет на блеф среднестатистической женщины? Мол, раз уж ты женился на ней, то должен выполнять все ее желания и обеспечивать все нужды, жертвуя собственными удовольствиями, интересами, удобствами? И при этом почитать за счастье право быть ее рабом и кредитором? Да перестань, Джон, быть такого не может. Теперь, когда женщины проломили стены гаремов, у них нет выхода, кроме как жить по законам улицы.

Джон. Ты слишком многое оставляешь за скобками. Неужто ты не думаешь, что мужчина может испытывать чувство благодарности к женщине, которую любил в прошлом?

Констанс. Я думаю, чувство благодарности особенно сильно у мужчин, пока не требует от них жертв.

Джон. Что ж, у тебя, конечно, своеобразный взгляд на отношения мужчины и женщины, но, полагаю, мне это только на руку. В конце концов, ты узнала о том, что происходило, задолго до того, как все выплыло наружу. Но мне по-прежнему неясно, что заставило тебя начать работать.

Констанс. Я, как и положено женщине, ленива. Пока соблюдались внешние приличия, я соглашалась брать все, что мне дают, ничего не давая взамен. Была паразитом, и это знала. Но когда дело обернулось так, что только твоя вежливость или недостаток ума мешали сказать мне об этом в глаза, я решила переменить свою жизнь. Подумала, что пора занять позицию, с которой, будь на то мое желание, я могла бы вежливо и спокойно, но со всей решительностью, предложить тебе катиться ко всем чертям.

Джон. И теперь ты занимаешь эту позицию?

Констанс. Именно так. Я ничего тебе не должна. Я могу содержать себя. Я оплатила все свои расходы за последний год. Из всех свобод в действительности важна только одна, и свобода эта – экономическая. Как ни крути, кто платит, тот и заказывает музыку. Что ж, теперь я обладаю этой свободой, и безмерная радость переполняет мою душу. Насколько я помню, те же чувства я испытывала, лишь когда ела первое в жизни клубничное мороженное.

Джон. Знаешь, я бы предпочел, чтобы ты месяц устраивала мне сцены и смешивала с грязью, как любая среднестатистическая женщина, чем целый год копила холодную злобу, чтобы сейчас вылить ее на меня.

Констанс. Милый, о чем ты говоришь? Ты знаешь меня пятнадцать лет. Неужели ты меня можно упрекнуть в неискренности? Не копила я никакой злобы. Как можно, дорогой, я очень тебя люблю.

Джон. Уж не хочешь же ты сказать, что проделала все это не для того, чтобы я чувствовал себя отъявленным негодяем?

Констанс. Да нет же. Клянусь честью. Заглядывая в свое сердце, я нахожу в нем только любовь и самые нежные, теплые чувства к тебе. Или ты мне не веришь?

(Джон какое-то время смотрит на нее, на его лице написано недоумение.)

Джон. Как это ни странно, верю. Ты – удивительная женщина, Констанс.

Констанс. Я знаю, но ты никому об этом не говори. Негоже давать близкому человеку отрицательную характеристику.

Джон *(с обаятельной улыбкой)* . Чертовски жаль, что я не смог вырваться. Не нравится мне, что ты едешь одна.

Констанс. Но я еду не одна. Разве я тебе не говорила?

Джон. Нет.

Констанс. Значит, только собиралась. Я еду с Бернардом.

Джон. Да? Ты ничего не говорила. А с кем еще?

Констанс. Ни с кем.

Джон. Однако! *(Он безусловно потрясен новостью.)* Как-то это странно.

Констанс. Да нет же. А почему?

Джон *(не зная, как ему реагировать)* . Ну, знаешь ли, как-то не принято, что молодая женщина едет в шестинедельный отпуск с мужчиной, которого едва ли можно принять за ее отца.

Констанс. Действительно, Бернارد чуть старше тебя.

Джон. А ты не думаешь, что начнутся сплетни?

Констанс. Дорогой, я же не собираюсь объявлять об этом по всеуслышанию. Более того, я никому об этом не говорила, тебе первому, и, естественно, могу рассчитывать на то, что ты ни с кем не будешь делиться этой новостью.

(Джон вдруг чувствует, что ему жмет воротник рубашки, пальцами пытается растянуть его.)

Джон. Тебя наверняка кто-нибудь увидит, пойдут разговоры.

Констанс. Я в этом сильно сомневаюсь. Видишь ли, мы поедem на автомобиле и не собираемся бывать там, куда ездят все. С нашими милыми друзьями хлопот не будет. Чтобы их встретить, надо ехать на модный курорт в пик сезона.

Джон. Разумеется я не так глуп, чтобы подозревать самое худшее, если женщина и мужчина путешествуют вместе, но я не могу отрицать, что все это довольно необычно. У меня и в мыслях нет, что между вами что-то может быть, но обычный человек именно об этом и подумает.

Констанс (*предельно холодно*). Я всегда думала, что у обычных людей больше здравого смысла, чем представляется умникам.

Джон (*нахмурившись*). Что ты хочешь этим сказать?

Констанс. Разумеется, мы едем как муж и жена.

Джон. Не дури мне голову, Констанс. Ты не понимаешь, что говоришь. Это не смешно.

Констанс. Но, бедный мой Джон, за кого ты нас принимаешь? Или я так безобразна, что ты не веришь моим словам? По какой другой причине я могу ехать с Бернардом? Если б мне требовался компаньон, я бы взяла с собой женщину. Мы бы жаловались друг другу на головную боль, мыли головы в одном салоне и обменивались выкройками вечерних платьев. С женщиной путешествовать куда приятнее.

Джон. Я, возможно, очень глуп, но никак не могу взять в толк, что ты мне говоришь. Ты действительно хочешь, чтобы я поверил, что Бернард Керсал – твой любовник?

Констанс. Конечно же, нет.

Джон. Тогда о чем мы сейчас говорим?

Констанс. Дорогой мой, по-моему все ясно и понятно. Я еду в отпуск на шесть недель, и Бернард великодушно предложил сопровождать меня.

Джон. А как же я?

Констанс. Никак. Ты остаешься дома и приглядываешь за своими пациентами.

Джон (*стараясь держать себя в руках*). Я всегда полагал себя благоразумным человеком, я не собираюсь давать волю эмоциям. Многие мужчины начали бы топтать ногами или крушить мебель. У меня нет намерения устраивать сцену, но ты должна признать, что твои слова – большой сюрприз.

Констанс. Только на первый момент, дорогой. Я уверена, что уже через несколько минут, обдумав их, ты поймешь, что ничего экстраординарного я не сказала.

Джон. Я сомневаюсь, что у меня найдутся эти минуты. Мне как-то нехорошо, боюсь, у меня вот-вот будет апоплексический удар.

Констанс. Так расстегни воротник. Ты и впрямь сильно раскраснелся.

Джон. С чего ты взяла, что я разрешу тебе уехать?

Констанс (*добродушно*). Главным образом, с того, что ты не можешь меня остановить.

Джон. Я просто не могу поверить, что ты это серьезно. Не понимаю, как такая идея могла прийти тебе в голову.

Констанс. Я подумала, что перемена пойдет мне на пользу.

Джон. Ерунда.

Констанс. Почему? Тебе-то пошла. Или не помнишь? Ты мрачнел и скучнел. А потом у тебя начался роман с Мари-Луизой и ты совершенно преобразился. Стал веселым, радостным, лучился энергией, с таким и жить одно удовольствие. Эффект был налицо.

Джон. Мужчины – это одно, женщины – совсем другое.

Констанс. Ты думаешь о возможных последствиях? Но викторианская эра, когда через определенный период времени, прошедший после любовных шалостей, появлялся младенец, осталась в далеком прошлом.

Джон. Я не об этом. Если жене изменяет муж, ей все сочувствуют, а вот если жена изменяет мужу, над ним просто смеются.

Констанс. Это один из бытовых предрассудков, которые здравомыслящие люди должны полностью игнорировать.

Джон. Ты хочешь, чтобы я сидел и смотрел, как мужчина уводит жену у меня из-под носа? Может, ты еще попросишь меня пожать ему руку и пожелать счастливого пути?

Констанс. Как раз собиралась. Он приедет с минуты на минуту, чтобы попрощаться с

тобой.

Джон. Я вышибу ему мозги.

Констанс. Я бы тебе не советовала. Мужчина он крепкий, и у меня сложилось впечатление, что у него отлично поставлен удар левой.

Джон. Тогда я получу безмерное удовольствие, высказав ему все, что я о нем думаю.

Констанс. С чего? Или ты забыл как я вела себя с Мари-Луизой? Мы же были лучшими подругами. Она никогда не покупала шляпу, не посоветовавшись со мной.

Джон. В моих венах течет кровь, а не вода.

Констанс. На данный момент меня больше интересует серое вещество в твоей голове.

Джон. Он тебя любит?

Констанс. Безумно. Или ты не знаешь?

Джон. Я? Откуда?

Констанс. В последний год он проводил здесь довольно много времени. У тебя сложилось впечатление, что он приходил, чтобы повидаться с тобой?

Джон. Я не обращал на него внимания. Мне показалось, что с ним скучно.

Констанс. С ним скучно. Но он очень милый.

Джон. Что он за мужчина, если ест хлеб ближнего и пьет его вино, а потом занимается любовью с его женой?

Констанс. Должна сказать, такой же, как ты, Джон.

Джон. Отнюдь. Мортимер из тех, кому на роду написано быть посмешищем.

Констанс. Для всех нас замысел провидения – тайна за семью печатями.

Джон. Я вижу, ты решила меня довести. Сейчас я что-нибудь разобью.

Констанс. Начни вон с той сине-белой вазы, которую твой дядя Генри подарил нам на свадьбу. Разбей ее, это современная имитация под старину.

(Джон берет вазу и швыряет об пол. Ваза разбивается.)

Джон. Вот.

Констанс. Тебе полегчало?

Джон. Ни капельки.

Констанс. Тогда жаль, что ты ее разбил. Мы могли бы подарить ее на свадьбу одному из твоих коллег в больнице.

(Дворецкий вводит в гостиную миссис Калвер.)

Бентли. Миссис Калвер.

Констанс. О, мама, как хорошо, что ты пришла. Я надеялась повидаться с тобой до отъезда.

Миссис Калвер. Я вижу, у вас упала ваза.

Констанс. Да нет, Джон вышел из себя и подумал, что сможет стравить пар, если что-то разобьет.

Миссис Калвер. Ерунда. Джон никогда не выходит из себя.

Джон. Это вы так думаете, миссис Калвер. Да, я вышел из себя. Я очень вспыльчивый. Вы с Констанс заодно?

Констанс. Нет, мама ничего не знает.

Джон. Сделайте что-нибудь, чтобы остановить ее. Вы же можете на нее повлиять. Вы должны понимать, что вся эта затея абсурдна.

Миссис Калвер. Мой дорогой мальчик, я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

Джон. Она собирается в Италию с Бернардом Керсалом. Вдвоем.

Миссис Калвер *(изумленно)*. Это неправда. С чего ты взял?

Джон. Она сама только что мне сказала. Между прочим, тем же тоном, каким говорят о том, что надо почистить пальто.

Миссис Калвер. Это правда, Констанс?

Констанс. Более чем.

Миссис Калвер. Но разве ты не ладишь с Джоном? Я всегда думала, что вы живете душа в душу.

Джон. Я тоже. Мы никогда не ссорились. Всегда находили общий язык.

Миссис Калвер. Разве ты больше не любишь Джона, дорогая?

Констанс. Разумеется, люблю.

Джон. Как же ты можешь меня любить, если намерена нанести мне самое жестокое оскорбление, на какое только способна нанести женщина мужчине?

Констанс. Не идиотничай, Джон. Год тому назад ты точно также оскорбил меня.

Джон (*подходит к ней, вдруг понимает, в чем, все-таки дело*) . Ты таким образом хочешь расквитаться со мной за Мари-Луизу.

Констанс. Ты просто дурак, Джон. Такая мысль даже не приходила мне в голову.

Миссис Калвер. Но тогда была совершенно другая ситуация. Джон, конечно, поступил очень нехорошо, но он извинился за содеянное и был наказан. Конечно, его поведение причинила нам немало горя. Но мужчина есть мужчина, и от него всегда можно ожидать чего-то подобного. А потому можно и извинить. Женщину – нет. Полигамия у мужчин в крови, и благоразумная женщина всегда простит им случайный проступок, понимая, что где-то они – жертвы обстоятельств. Женщины же по природе своей моногамны. Они просто не должны желать больше одного мужчины, вот почему вир осуждает их, если они выходят за естественные ограничения своего пола.

Констанс (*с улыбкой*) . Сложно, знаешь ли, понять, почему вкусенькое для мужа, не может быть сладеньким для жены.

Миссис Калвер. Мы все знаем, что верность для мужчин – пустой звук. Они могут не пропускать ни одной юбки и при этом оставаться честными, трудолюбивыми, заслуживающими доверия. У женщин все иначе. Они становятся лживыми, раздраженными, ленивыми, беспомощными, нечестными. Вот почему опыт десяти тысячелетий, накопленный человечеством, требует от женщин верности. Все знают, что добродетель – ключ к остальным достоинствам.

Констанс. Они нечестны в том, что отдают уже не принадлежащее им. Они продали себя за стол, кров и защиту. Они – личное движимое имущество. Они полностью зависят от мужей, а когда изменяют, становятся лгунями и воровками. Я – другое дело. Я экономически независима от Джона, а потому требую и сексуальной независимости. Сегодня я внесла на счет Джона тысячу фунтов за свое годичное содержание.

Джон. Я отказываюсь их брать.

Констанс. Тем не менее, придется.

Миссис Калвер. Это не повод выходить из себя.

Констанс. Я полностью сохраняю самообладание.

Джон. Если ты думаешь, что свободная любовь – удовольствие, то ты ошибаешься. Поверь мне, приписываемые ей достоинства сильно преувеличены.

Констанс. В этом случае остается только удивляться, почему люди никак не поставят на ней крест.

Джон. Я знаю, о чем говорю, можешь мне поверить. Она обладает всеми недостатками супружеской жизни, без преимуществ последней. Заверяю тебя, дорогая, игра не стоит свеч.

Констанс. Ты, возможно, прав, но ты знаешь, как трудно судить о чем-либо по чужому опыту. Думаю, лучше испытать все на себе.

Миссис Калвер. Ты любишь Бернарда?

Констанс. По правде говоря, я еще не решила. Как узнать, любишь человека или нет?

Миссис Калвер. Дорогая, я знаю, как это проверить. Могла бы ты воспользоваться его зубной щеткой?

Констанс. Нет.

Миссис Калвер. Тогда ты его не любишь.

Констанс. Он боготворил меня пятнадцать лет. Такая преданность, естественно, находит отклик в моем сердце. Я хочу как-то показать ему, что меня нельзя называть неблагодарной. Видите ли, через шесть недель он возвращается в Японию. Обратно вернется только через семь

лет. Сейчас мне тридцать шесть и он меня обожает. Через семь лет мне будет сорок три. Женщина в таком возрасте часто сохраняет очарование, но крайне редко привлекает пятидесятипятилетних мужчин. Я пришла к выводу: сейчас или никогда, и спросила его, не хочет ли он, чтобы я провела с ним эти последние шесть недель в Италии. И когда в Неаполе я буду махать платочком его уходящему кораблю, я надеюсь, он будет знать, что все эти годы бескорыстной любви чего-то да стоили.

Джон. Шесть недель. Ты собираешься оставить его через шесть недель?

Констанс. Да, конечно. Из-за того, что я установила временные рамки нашей любви, думаю, мы сможем испытать неземное блаженство и расстанемся, пребывая на седьмом небе. Ты же сам знаешь, Джон, роза особенно прекрасна в период полного расцвета, а потом ее лепестки опадают.

Джон. Ты меня потрясла до глубины души, удивила до предела. Я просто не знаю, что и сказать. Ты захватила меня врасплох.

(Миссис Калвер, которая стоит у окна, вскрикивает.)

Констанс. Что такое?

Миссис Калвер. Бернард. Он только что подъехал.

Джон. Ты хочешь, чтобы я принимал его так, словно мне неведомы твои планы?

Констанс. Наилучший вариант. Устраивать сцену ревности глупо, и она не изменит моего решения уехать с ним.

Джон. Я же должен принимать во внимание собственное достоинство.

Констанс. Зачастую сохранить его в наилучшем виде удастся, спрятав в карман. Я буду очень признательна тебе, Джон, если ты будешь принимать его так, как я принимала Мари-Луизу, зная, что она – твоя любовница.

Джон. Он знает, что я знаю?

Констанс. Разумеется, нет. Он придерживается традиционных взглядов, знаешь ли, и не может непринужденно обмануть друга. Он абсолютно уверен, что ты не в курсе.

Миссис Калвер. Констанс, никакие мои аргументы не заставят тебя изменить принятое решение?

Констанс. Не заставят, дорогая.

Миссис Калвер. Тогда я не буду понапрасну сотрясать воздух и уйду до того, как он поднимется сюда.

Констанс. Как тебе будет удобно. До свидания, мама. Ты получишь от меня много открыток.

Миссис Калвер. Я не одобряю твою выходку, Констанс, и не собираюсь притворяться в обратном. Толку от этого не будет. В мужчинах природой заложены порочность, склонность к обману и изменам жене. Женщине же положено хранить добродетельность, прощать и страдать. Так повелось с начала веков и никакие новые идеи не смогут изменить основополагающие законы нашего общества.

(Входит дворецкий, за ним Бернард.)

Бентли. Мистер Керсал.

Миссис Калвер. Добрый день, Бернард, и до свидания. Я как раз ухожу.

Бернард. Какая жалость. До свидания.

(Она уходит.)

Констанс *(Бернарду)* . Добрый день. Один момент *(Дворецкому)* . Бентли, пожалуйста, отнеси мои вещи вниз и положи в такси, хорошо?

Бентли. Хорошо, мадам.

Бернард. Ты уже уезжаешь? Как хорошо, что я успел тебя застать. Я бы всю жизнь корил себя за то, что не попрощался.

Констанс. И дай мне знать, когда подъедет такси.

Бентли. Да, мадам.

Констанс. Теперь я могу уделить внимание и тебе.

(Дворецкий уходит.)

Бернард. Тебе не терпится уехать в отпуск?

Констанс. Более чем. Для меня такое путешествие впервые, и я живу предвкушением.

Бернард. Ты едешь одна, не так ли?

Констанс. Да, совсем одна.

Бернард. Жаль, что ты не смог вырваться, старичок.

Джон. Чертовски жаль.

Бернард. Полагаю, это проблема всех хороших специалистов. Работа их не отпускает. Вот и тебе приходится прежде всего думать о своих пациентах.

Джон. Приходится.

Констанс. К тому же Джона Италия не впечатляет.

Бернард. О, так ты едешь в Италию? Вроде бы ты упоминала Испанию.

Джон. Нет, речь всегда шла об Италии.

Бернард. Действительно, тебе не это не очень подходит, старичок. Хотя, вроде бы рядом с озером Комо есть прекрасные поля для гольфа.

Джон. Неужели?

Бернард. А ты, случайно, не окажешься неподалеку от Неаполя в конце июля?

Констанс. Не знаю. С планами я еще не определилась.

Бернард. Спрашиваю только потому, что мой пароход отплывает из Неаполя. Было бы забавно встретиться там.

Джон. Очень забавно.

Констанс. Надеюсь, в мое отсутствие ты будешь часто видеться с Джоном. Боюсь, без меня ему будет одиноко, бедняжке. Почему бы вам не пообедать вместе не следующей неделе?

Бернард. Я очень сожалею, но я тоже уезжаю.

Констанс. Правда? Вроде бы ты собирался оставаться в Лондоне до самого отъезда в Японию.

Бернард. Я собирался, но мой доктор отправил меня на воды.

Джон. И от чего тебе надо лечиться?

Бернард. О конкретной болезни речь не идет. Он порекомендовал мне пройти общеукрепляющий курс.

Джон. Правда? И как фамилия твоего доктора?

Бернард. Ты его не знаешь. Мы вместе воевали.

Джон. Понятно!

Бернард. Поэтому, к сожалению, я должен с тобой попрощаться. Конечно, не хочется покидать Лондон, учитывая, что в Европу я попаду лишь через несколько лет, но, с другой стороны, глупо не воспользоваться рекомендациями специалиста, если уж ты к нему обратился.

Джон. Особенно, если свои рекомендации он оценивает в три гиней.

Констанс. Очень жаль. Я-то рассчитывала, что во время моего отсутствия ты проследишь за тем, чтобы Джон не попал под дурное влияние.

Бернард. Едва ли я смог бы это гарантировать. Но мы смогли бы несколько раз сходить в театр, сыграли бы в гольф.

Констанс. В общем, хорошо бы провели время, не так ли Джон?

Джон. Просто отлично.

(Входит дворецкий.)

Бентли. Такси ждет, мадам.

Констанс. Благодарю.

(Дворецкий уходит.)

Бернард. Тогда разрешите откланяться. На случай, что не увижу вас вновь, позвольте поблагодарить за всю ту доброту и радушие, которые я видел от вас за год, проведенный в Лондоне.

Констанс. Мы рады, что ты заглянул к нам.

Бернард. Ты и Джон так тепло принимали меня. Я и представить себе не мог, что этот год будет для меня таким удачным.

Констанс. Нам будет тебя не доставать. Джон так радовался, что есть человек, который может пойти со мной в театр, когда его срочно вызывают на операцию. Не правда ли, дорогой?

Джон. Правда, дорогая.

Констанс. Он никогда не волновался, зная, что я с тобой. Не волновался, дорогой?

Джон. Не волновался, дорогая.

Бернард. И я страшно рад, что оказался хоть чем-то полезен. Не забывайте меня, хорошо?

Констанс. Едва ли нам это удастся, не так ли, дорогой?

Джон. Никогда, дорогая.

Бернард. А если у вас появится свободная минутка, напишите мне, хорошо? Вы просто не знаете, как дороги нам, изгнанникам, письма с родины.

Констанс. Разумеется, напомним. Оба. Не так ли, дорогой?

Джон. Да, дорогая.

Констанс. Джон так хорошо пишет письма. Они такие остроумные, забавные.

Бернард. Ловлю вас на слове. Что ж, прощай, старичок. Всего тебе хорошего.

Джон. Спасибо, старичок.

Бернард. Прощай, Констанс. Мне столько надо сказать тебе, но я не знаю, с чего начать.

Джон. Я не хочу тебе торопить, но такси ждет, а счетчик тикает.

Бернард. Джон такой практичный. Ладно, скажу только одно: благослови тебя Бог.

Констанс. Au revoir.

Бернард. Если будешь в Неаполе, дай мне знать, хорошо? Если пошлешь письмо в мой клуб, мне его передадут.

Констанс. Да, конечно.

Бернард. Прощайте.

(Он дружески кивает обоим и уходит. Констанс начинает смеяться, как только за ним закрывается дверь и вскоре просто покатывается от хохота.)

Джон. Тебя не затруднит сказать, над чем смеешься? Если ты думаешь, что я нахожу забавным стоять столбом и молча сносить издевательства, то напрасно. А что это за галиматья насчет случайной встречи в Неаполе?

Констанс. Он сбивает тебя со следа.

Джон. Да он просто идиот!

Констанс. Ты действительно так думаешь? А я вот считаю, что он выглядел неплохо. Учитывая, что в этих делах у него нет никакого опыта, с ролью он справился.

Джон. Если ты вбила себе в голову, что он – само совершенство, спорить с тобой бесполезно. Но, не кривя душой, стараясь сохранять объективность, я сожалею, что ты решила отдаться такому вот человеку.

Констанс. Наверное, муж и жена должны расходиться в оценке ее будущего любовника.

Джон. Ты же не собираешься утверждать, что выглядит он лучше меня.

Констанс. Нет. Я всегда считала тебя эталоном мужской красоты.

Джон. И одевается он, как я.

Констанс. Это естественно, у вас один портной.

Джон. Я не думаю, что ты находишь его более остроумным.

Констанс. Да нет же.

Джон. Тогда почему ты хочешь уехать с ним?

Констанс. Неужели я должна тебе объяснять? Потому что еще раз, до того, как поезд уйдет, хочу оказаться в объятиях мужчины, который готов целовать землю, по которой я хожу. Хочу видеть, как озаряется счастьем его лицо, когда я вхожу в комнату. Хочу чувствовать, как его рука сжимает мою, когда мы вместе смотрим на луну, как по телу бегут искорки, когда он обнимает меня за талию. Хочу, чтобы моя голова падала ему на плечо, а его губы нежно прикасались к моим волосам.

Джон. Вот на это не рассчитывай. Бедняжка просто свернет себе шею и его придется отправлять в больницу.

Констанс. Хочу ходить с ним по сельским тропкам, слышать, как он называет меня зайнойкой или кисиком. Хочу часами говорить с ним ни о чем.

Джон. О, Боже.

Констанс. Хочу знать, что я красноречива и остроумна, даже когда молчу. Десять лет меня вполне устраивало твое внимание, Джон, поэтому мы с тобой были лучшими и самыми близкими друзьями, но теперь, пусть на короткое время, мне захотелось другого. Неужели ты поставишь мне это в укор? Я хочу, чтобы меня любили.

Джон. Но, дорогая моя, я буду тебя любить. Я, конечно, вел себя отвратительно, не уделял тебе внимания, но еще не поздно все изменить. Ты – единственная женщина, которая мне дорога. Я брошу все, и мы уедем вместе.

Констанс. Меня такая перспектива не впечатляет.

Джон. Да перестань, дорогая, прояви хоть каплю жалости. Я бросил Мари-Луизу. Ты, конечно же, можешь указать на дверь Бернарду.

Констанс. Но ты бросил Мари-Луизу, следуя своим, а не моим желаниям.

Джон. Не вредничай, Констанс. Поедем со мной. Нам будет хорошо вместе.

Констанс. Бедный мой Джон, я завоевывала экономическую независимость не для того, чтобы проводить медовый месяц с собственным мужем.

Джон. Ты думаешь, что я не могу быть и любовником, и мужем?

Констанс. Мой дорогой, никому не превратить вчерашнюю жареную баранину в завтрашний шашлык из молодого барашка.

Джон. Знаешь, что ты делаешь? Я полон решимости стать идеальным мужем, а ты вновь толкаешь меня в объятия Мари-Луизы. Даю слово чести, как только ты выйдешь из этого дома, я тут же поеду к ней.

Констанс. И напрасно потратишь время и бензин. Боюсь, ты не застанешь ее дома. У нее новый молодой кавалер и она находит его божественным.

Джон. Что?

Констанс. Адьютант губернатора какой-то колонии. Они приезжала сегодня с просьбой тактично сообщить тебе, что между вами все кончено.

Джон. Надеюсь, ты сказала ей, что я еще раньше твердо решил порвать наши отношения, причинившие тебе столько боли?

Констанс. Не успела. Она очень уж торопилась высказать мне свою просьбу.

Джон. Знаешь, Констанс, я не понимаю, что случилось с твоей гордостью. Все-таки из твоего мужа сделали круглого дурака. Любая другая женщина сказала бы: «Какое странное совпадение. Не прошло и получала, как Джон заверил меня, что принял решение никогда больше с тобой не видеться». Но, разумеется, тебе на меня наплевать, это очевидно.

Констанс. Ты несправедлив, дорогой. Я всегда буду заботиться о тебе. Я, возможно, и собралась изменить тебе, но бросать тебя не собираюсь. И всегда думала, что верность – мое самое ценное качество.

(Дворецкий открывает дверь.)

Джон (раздраженно). В чем дело?

Бентли. Я подумал, что мадам забыла о ждущем внизу такси.

Джон. Пошел к черту.

Бентли. Как скажете, сэр.

(Уходит.)

Констанс. Не понимаю, с чего ты нагрубил ему? За такси заплатит Бернارد. Но я все равно должна идти, а не то он подумает, что я не поеду. До свидания, дорогой. Я надеюсь, что в мое отсутствие все у тебя будет хорошо. Не суй нос в дела кухарки, и не умрешь от голода. Ты не хочешь попрощаться со мной?

Джон. Катись к дьяволу.

Констанс. Хорошо. Я вернусь через шесть недель.

Джон. Вернешься? Куда?

Констанс. Сюда.

Джон. Сюда? Сюда? Ты думаешь, я тебя пущу?

Констанс. Почему нет? При здравом размышлении ты поймешь, что у тебя нет причин винить меня. В конце концов, я не беру у тебя ничего такого, что тебе нужно.

Джон. Ты же понимаешь, что после этого я могу с тобой развестись?

Констанс. Безусловно. Но я придирчиво выбирала мужа. Позаботилась о том, чтобы выйти замуж за джентльмена, и знаю, что ты никогда не разведешься со мной за грехи, в которых повинен сам.

Джон. Я с тобой не разведусь. Чтобы не подвергать даже моего худшего врага риску жениться на женщине, которая способна обращаться с мужем так, как ты обращаешься со мной.

Констанс *(от двери)* . Так я могу возвращаться?

Джон *(после короткой паузы)* . Ты самая своенравная, капризная, выводящая из себя, упорствующая в заблуждениях, очаровательная и пленительная женщина, какой Бог может наказать мужчину, определив ее ему в жены. Да, черт тебя побери, возвращайся.

(Она посылает ему воздушный поцелуй и выскальзывает из гостиной, захлопнув за собой дверь.)